

1779-4.03.14
2837.23.04.14

C/A3/1 / 153152
46 / Хузаду
КА
2p-70k

153152

К 840-ЛЕТИЮ НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ

НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ

ЛИРИКА

ГАЗЕЛИ
КЫТА
РУБАИ
КАСЫДЫ

Азербайджанская Республика
ДЕТСКИЙ БИБЛИОТЕКА
имени Ф. Кочарли
Кат. № 153152

ЯЗЫЧЫ
БАКУ
1981

фокг 2015

С(Аз)1
Н61

Предисловие и примечания
РУСТАМА АЛИЕВА

Низами Гянджеви.

Н61 Лирика. Б., Язычы, 1981.
140 с.

В книгу включены газели, касыды, кыт'а и рубай гениального азербайджанского поэта XII века Низами Гянджеви, в которых отражены эстетические, этические и философские взгляды поэта-мыслителя. Произведения Низами представлены в переводах К. Линскерова, П. Антокольского, А. Тарковского, С. Шервинского и других.

Н 70202—113
М—656—81 Реш. кол. № 290 от
11.XI-81 г.

С(Аз)1

Москва, «Художественная литература», 1959.

© Язычы, 1981.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Низами Гянджеви вошел в историю мировой литературы как основоположник нового литературного направления в восточной поэзии, создатель эпико-драматического жанра. Знаменитые «Пять поэм» Низами, впоследствии объединенные под общим названием «Хамса» — «Пятерицы», открыли новую эру в истории культуры восточных народов, предопределив дальнейший ход развития литератур многих стран.

Низами жил и творил в XI веке. В XI и XII веках ближневосточные страны переживали значительный экономический и культурный подъем. Несмотря на обычные для феодального общества междоусобные войны и раздоры, этот период был временем бурного роста городов на всем Ближнем Востоке. С развитием экономической жизни менялись и развивались духовные потребности и эстетические вкусы народов Азербайджана, Ирана, Средней Азии. В это время особенно стал проявляться интерес к человеческой личности, к индивидууму. В литературных кругах исчезло стремление к созданию таких монументальных эпосов, как, например, «Шах-наме» («Книга царей») Фирдоуси. Хотя значение гениальной «Книги царей» было исключительно велико в культурной жизни ближневосточных стран, многие поэты ясно сознавали, что давно минуло время подражания «Шах-наме».

Одним из первых понял это Низами. Он глубоко осознал, что «требования и вкусы» века изменились, и, чтобы идти в ногу с временем, нужно создать что-то новое, оригинальное.

Низами родился в 1141 году в городе Гяндже. Гянджа, развалины которого находятся в пяти километрах к северо-востоку от нынешнего Кировабада, был одним из древних городов Азербайджана. После падения старой столицы Азербайджана Барды (X век) Гянджа быстро начал расти и вскоре стал одним из крупнейших культурных и хозяйственных центров Азербайджана. Со всех концов Азербайджана в Гянджу стекались талантливые поэты, ученые, писатели, зодчие. Здесь получают широкое развитие не только схоластические, но и светские науки. Кроме богословия, тогда изучались философия, филология, история, законоведение, математика, медицина, астрономия и т. д. В этот период всесторонне развивалась литература, особенно поэзия. Основным литературным языком был персидский. В этом городе провел всю свою жизнь Низами. Полное его имя — Ильяс, сын Юсуфа, сына Муайяда. Низами — его поэтический псевдоним. Отец Низами Юсуф, по-видимому, принадлежал к средним слоям городского населения и жил безбедно. Во всяком случае, он имел возможность дать своему сыну блестящее для того времени образование. Благодаря своим необыкновенным способностям и настойчивости Низами постиг основы многих наук того времени. Он вынес из учения глубокое знание персидского и арабского языков. Впоследствии поэт неоднократно с гордостью отмечал, что его поэтические успехи и слава явились результатом большого трудолюбия и познаний:

Ясность мысли моей — от источников знания,
Все науки познав, я добился признанья.

(Перевел К. Липскеров.)

Еще в юношеские годы Низами начал пробовать свои силы на поэтическом поприще. Благодаря громадному поэтическому дарованию и энциклопедическим знаниям молодой Ильяс вскоре завоевал большую популярность. Его нежные задушевные газели распевались в городах не только Азербайджана, но и во многих среднеазиатских странах. Перед поэтом открылась возможность блестящей карьеры. Многие венценосцы желали украсить свой двор «гянджинским соловьем». Но поэт решительно отказался от придворной службы. Он прекрасно понимал, что вступить в ряды придворных поэтов — это значит потерять драгоценную свободу, лишиться источника настоящего, вдохновенного поэтического творчества.

Во времена Низами по истари заведенной традиции при дворе каждого шаха или крупного правителя существовал целый штат придворных поэтов — одописцев во главе с «царем поэтов». В обязанность этих поэтов, живших на средства, точнее подаяния, государя и сановников, входило восхваление «добродетелей», «подвигов» и «высоких достоинств» своих патронов. При таком положении вещей, естественно, на особое глубокомыслие в подобных дифи-

рамбах нельзя было рассчитывать. Поэтому придворные одописцы весь упор делали на изощренность формы, на технику стиха, на схоластические упражнения в риторике.

Низами презирал и жалел придворных поэтов. Он сурово осуждал тех, кто ради мнимых почестей обматывал свои виски султанской парчой и, словно «ртуть, дрожал пред золотом».

Отказавшись от придворной карьеры, избегая «близости с султанами», Низами целиком посвятил себя творческому труду.

В 1173 году Низами приступил к работе над первой своей поэмой «Махзан-ул-асрар» («Сокровищница тайн»), которую он закончил в том же году. «Сокровищница тайн» относится к числу дидактических произведений. На Востоке этот род поэм существовал еще со времен основоположника персидской и таджикской литературы Рудаки, написавшего дидактическую поэму «Калила и Димна», от которой до нас дошли лишь отдельные отрывки. Однако поэма Низами как по содержанию, так и по форме была совершенно новым, оригинальным явлением в литературной жизни той эпохи.

Одна из копий поэмы попала в руки правителя Дербенда. Поэма, заключенные в ней добрые советы и наставления произвели на правителя большое впечатление. Он решил поблагодарить поэта и отправил ему оригинальный «подарок» — кыпчакскую рабыню, гордую красавицу Афак, которую ему не удалось покорить, сделать украшением своего гарема. Однако Афак вступила в дом поэта не как рабыня и наложница. Поэт искренне привязался к ней и принял ее как жену. Афак тоже полюбила Низами, принесла ему счастье. Но этому счастью не суждено было продолжаться долго. Вскоре Афак умерла, оставив после себя малолетнего сына Мухаммеда. Этому горя Низами не мог забыть до конца жизни. Образ любимой жены поэт увековечил в поэме «Хосров и Ширин».

«Хосров и Ширин» была написана в 1176 году. В этой поэме с неподражаемым мастерством показаны тончайшие изгибы человеческой души, затаенные глубины человеческой природы. В ней Низами воспел страстную, но чистую, возвышенную любовь гордой и умной красавицы Ширин к иранскому принцу Хосрову, создал бессмертный образ Фархада, чья возвышенная, героическая любовь стала символом светлых чувств и благородных стремлений простых людей.

После завершения поэмы «Хосров и Ширин», которая сразу же распространилась по всему Ближнему и Среднему Востоку и принесла автору большую славу, Низами на долгое время по каким-то причинам оставил творческую работу, и лишь в 1188 году приступил к созданию своей другой знаменитой поэмы «Лейли и Меджнун».

Зарождение печальной повести о Меджнуне и Лейли относится к глубокой древности. Предание об их любви первоначально сложилось в Аравии, среди североарабских племен — бедуинов. В дальнейшем оно получило большое распространение на мусульманском Востоке и приобрело право гражданства во многих восточных странах.

Образы Меджнуна и Лейли неотступно преследовали воображение многих поэтов. Но первым за поэтическую разработку этой темы взялся Низами.

Могучая кисть Низами вдохнула жизнь в старую повесть, превратив ее в одну из величайших эпических драм мировой литературы. В поэме с гениальным мастерством Низами изобразил страдания и трагедию не легендарной Лейли, а современных ей женщин, лишенных человеческих прав, не горести и страдания героя арабского предания поэта Меджнуна, а современных ему молодых людей, лишенных возможности распоряжаться своей судьбой, своими чувствами и стремлениями. Низами воспел высокие помыслы и возвышенные чувства передовых людей своего времени.

Своеобразна и оригинальна также следующая по времени написания поэма Низами — «Семь красавиц». В этой поэме картины жизни переплетаются изумительными узорами романтической фантастики, восходящей к народному творчеству, к народным сказам.

Последняя поэма Низами, «Искандер-наме», состоящая из двух частей, носит философский характер и является как бы исповедью поэта. В ней в художественной форме поэт высказывает свои социально-политические воззрения, которые шли вразрез с догмами феодальной идеологии того времени. Создав образ идеального царя Искандера, поэт призывает венценосцев править страной так же мудро и справедливо, как Искандер, и уважать интересы народа. Однако Низами не останавливается на этом, чувствуя, что, каким бы идеальным ни был правитель, народ не избавится от тяжелой судьбы до тех пор, пока будет существовать несправедливый общественный строй. В своей поэме Низами создает картину утопического общества, где нет ни властелинов, ни подданных, ни угнетателей, ни угнетенных, где все люди равны, все трудятся и живут одинаково хорошо, счастливо.

* * *

Свои силы на поэтическом поприще Низами начал пробовать еще в юношеские годы, как и все поэты того времени, в жанре лирики, писал касыды и газели.

Касыда — одна из древнейших поэтических форм в литературе народов Востока, соответствующая хвалебной оде, дифирамбу. Касыда впервые возникла в глубокой древности в арабской литературе. Впоследствии она появилась в поэзии иранских и тюркских народов.

Касыды писались на самые разнообразные темы: политические, философские, социальные, богословские, чисто лирические, исторические, научные и т. д. Но постепенно, по мере развития литературы, тематика касыды все больше и больше суживалась, и уже к моменту появления касыды в персидской литературе тематика ее окончательно была определена — касыда главным образом носила панегирический характер. Объем касыды не подчиняется определенным законам, пишется она на одну рифму по схеме: за, ба, ва и т. д.

Количество стихов колеблется от тридцати до трехсот. Состоит касыда из трех основных частей. В самом начале дается лирическое вступление, далее следует панегирическая, основная часть, а затем — просьба поэта. Первая, вступительная часть, называемая насибом, в дальнейшем постепенно как бы отделилась и оформилась в самостоятельную стихотворную форму, называемую газелью. Процесс оформления газели как самостоятельной жанровой формы получил свое окончательное завершение в XIII веке, в творчестве выдающегося персидского поэта Саади Ширази. Но еще в «Диванах» многих поэтов XI, XII веков можно найти целые разделы, включающие газели. Однако следует отметить, что во многих этих газелях не представлены все элементы, которые определяют эту жанровую форму. Так, не все газели Низами полностью отвечают формальным требованиям газели. В некоторых из них отсутствует «макта» — заключительное или предпоследнее двуступище, в котором приводится псевдоним (тахаллус) поэта.

В иных газелях вместо макта мы находим посвящение, то есть упоминается имя какого-нибудь шаха, правителя или другой высокопоставленной особы, кому посвящается стихотворение. Такие стихотворения скорее всего представляют собой не газель, а насиб — вступительную лирическую часть касыды. Тут же следует отметить, что насиб нередко выступала и как самостоятельная стихотворная форма, в которой разрабатывалась интимная любовная тема. Таким образом, лишь определенную часть предлагаемых стихотворений Низами, если подходить к ним с чисто формальной точки зрения, можно назвать газелями. Но если определять их с точки зрения содержания, тематики, то они отвечают всем требованиям рассматриваемого вида лирической поэзии.

Основной, главной темой газели является, выражаясь словами средневековых восточных авторов, описание любви и отношение к женщине, изображение красоты возлюбленной, ее капризов и жестокости, прелестей и недоступности, переживаний и страданий влюбленного, силы и глубины его чувств, верности и постоянства, тоски и грусти, вызываемых разлукой, сетований на соперников и т. д.

В силу этой установившейся канонической ограниченности газели лирика подавляющего большинства восточных авторов, особенно позднейших периодов, даже самых выдающихся, выраженная в газелях, в значительной степени носит как бы условный характер и не выражает, как, например, поэзия европейских народов, реальные, подлинные, истинные чувства и переживания человеческой души. Главное в газелях — поэтические образы, оригинальные, но опять-таки условные, и музыкальность.

Восточная лирика восхищает европейского читателя, доставляет ему такое же своеобразное наслаждение, как и восточная живопись с изумительной орнаментацией, причудливые, филигранные и оригинальные узоры которой безмерно поражают и радуют глаз.

Лирика Низами больше, чем у кого бы то ни было из его современников, заключает в себе непосредственное выражение чувств и переживаний,

свойственных человеческому сердцу, подлинной радости и тоски,— словом, охватывает основные стороны духовной жизни человека. Это и понятно. Низами был великим знатоком человеческой души. Именно он впервые в истории восточной литературы раскрыл внутренний мир человека во всем его многообразии и сложной противоречивости. Подавляющее большинство его стихотворений любовного содержания отличается такой искренностью, такой неподдельностью изображаемых чувств, что если бы не форма газели, трудно было бы догадаться, что они принадлежат перу восточного автора. В этих газелях совершенно отсутствуют риторика и вычурные образы. Описываемые переживания общечеловечны, реальны и жизненны.

Ты видишь: я твой давний друг,— зачем томишь тоской меня,
Зачем отталкиваешь ты с небрежностью такой меня?
Коль спросишь о беде моей, оставь меня в моей беде,
Коль озбочу я тебя, забудь в заботе злой меня.
Я пред людьми тобой горжусь, но как меня стыдишься ты
Я приношу тебе любовь, а ты даришь враждой меня.
Какой бы цвет ни приняла — и я такой же цвет приму,—
Аллаха славь, носи зуннар, увидят все с тобой меня.
Коль скорбь моя не тяжела, тебе со мной скорбеть легко,
А если я пред ней склонюсь, прогонишь с глаз долой меня.
Своим сокровищем тебя всегда признает Низами.
Тебе пристало унижать, казня своей рукой меня:

Газели Низами передают читателю горячее биение охваченного жаждой счастья сердца поэта, воплотившего в себе все человеческие чувства и волнения:

Спустилась ночь. Явись, Луна, в мой дом приди на миг!
Душа желанием полна,— о, погляди на миг!
Ты жизни плещущей родник, исток существованья,
Недаром я к тебе приник,— прильни к груди на миг!
Не ненавидь, не прекословь, дай мне немного счастья!
Смотри, как жадно бьется кровь,— к ней припади на миг!
Верь этим благостным слезам, и если я отравлен,
От черной немочи, бальзам, освободи на миг!..

Как видно, в этих стихотворениях почти отсутствуют вычурные, поражающие своей неожиданностью образы, придающие поэзии условность, характер причудливого украшательства. Здесь чувство составляет главное, ощущения выражаются с необыкновенной непосредственностью. Эта черта лирики Низами делает ее близкой, доступной читателям наших дней.

Одна из особенностей газели Низами заключается в том, что в большинстве случаев они имеют строго выдержанную тематическую последовательность и единый сюжет. Небольшое стихотворение — всего десять или двена-

дцать строк,— а какие восхитительные картины, дышащие художественной правдой, радующие человеческое сердце, поэт передает в нем!

Расступился черный мускус, и она всплыла вчера.
Оттого пришли в порядок все мои дела вчера.
Луноликая спешила, соглядатаев боясь,
Полотно с луны срывая, розы обожгла вчера.
На жемчужину глядел я, глаз не властен отвести,
Словно по моим ресницам — влажная — сошла вчера.
И покоились мы рядом. Пробудились — и бегом
Счастье резвое пустилось, чуть сгустилась мгла вчера.
«Ухожу! — она сказала.— Что мне дать в залог тебе?»
«Поцелуй», — я той ответил, что мне жизнь дала вчера.
Я проснулся, опаленный, и огонь во мне горит,—
Впрямь была вода живая в той слезе светла вчера.
Головою ширваншаха вам клянется Низами:
Лишь во сне со мною вместе милая была вчера.

Многие газели Низами созданы поэтом специально для исполнения под аккомпанемент музыкальных инструментов. Эти газели отличаются исключительным благозвучием, простотой и естественностью описываемых чувств. Каждое слово в них отточено, словно граненый жемчуг, и имеет определенный смысл. Нередки повторы отдельных строк, несвойственные этому виду восточной поэзии, усиливают, еще глубже раскрывают лейтмотив песни, придают ей большую музыкальность.

Исключительное место в лирике Низами занимает также философская и социально-политическая тема. В таких стихотворениях поэт как бы заставляет себя думать вслух, высказывает свои сокровенные, тайные думы; взгляды поэта на явления окружающей действительности вытесняют его ощущения. Воззрения на жизнь преобладают над чувствами. Притом следует отметить, что свои философские взгляды и социальные воззрения поэт выражает не в отдельных двустихиях, не вводит в художественную ткань мимоходом, а делает предметом всего стихотворения.

Отдельные газели Низами посвящены изложению его философии любви. Согласно его концепции, любовь — это высший божественный дар и основа всего мироздания. Люди рождены для того, чтобы жить и наслаждаться этим блаженным даром. Во всех своих помыслах, деяниях и поступках человек должен руководствоваться любовью.

Жизнь людей, лишенных любви, лишена всякого смысла, «вне страсти отрады не сыскать». Лишь в том случае можно «обрести свет... когда ты любишь и любим». Тем, кто подвластен законам любви, нужно избавиться от эгоизма, «покинуть темницу слова «я», «говорить «мы» — и лишь тогда «зацветет рассвет».

Многие газели Низами являются своеобразным откликом на знаменитые еретические четверостишия Омара Хайяма. Прикрываясь суфийской символи-

кой, поэт бросает вызов служителям культа религии, официальным представителям ортодоксального ислама, призывавших людей отказаться от всех благ жизни и обратить свои взоры в потусторонний мир. С жизнеутверждающим оптимизмом Низами проповедует наслаждаться благами жизни и не проводить свое время в бессмысленной тоске и печали.

В других газелях мы находим хайямовский бунт против соблюдения бессмысленных предписаний ислама. Как и Хайям, Низами отрицает мечеть, ибо там он не может спасти свою душу:

Где путь в кумирню? Где в мечеть пройти?
Подобным мне к ним не даны пути.
Гуляка я, в мечеть не захожу,
В кумирне тоже душу не спасти.
Но между ними все ж проложен путь,
О дорогие, как его найти?

Этот путь наконец найден, он приводит поэта в винный погреб, где предаются неверию и наслаждаются веселыми играми, вином, песнями. Туда же, в эту обитель истины, приглашает поэт и ревностных служителей культа религии, занимавшихся пустословием и бессмысленной суетой:

Если нас не осуждаешь, в мейхану иди скорей,—
Тут, неверию предавшись, в нард играй в кругу друзей.
И неверный — мусульманин, коль снисходит он ко всем.
Ах, должно быть, это странно для тупых звучит ушей!

Но ни погребок, ни веселые игры и пиршества не могут принести подлинного счастья, если жизнь не устроена, если отсутствует источник радости и счастья, если вокруг все мучаются в цепях полона.

Где доблестный найдется муж, кого бы мир не гнул?
Тех, кто не мучился бы тут в цепях полона,— нет.
Хоть счастье, как невесту, мы желаем разубрать,
Но все ж убора для нее у небосклона нет.
Коль так убого бытие, каким его я зрел,—
То нет в нем света, ничего в нем, кроме стога, нет...
Мир, что в шатре семи небес, оставь, о Низами!
То — скорпион, спасенья в нем от скорпиона нет.

Таков философский вывод, к которому приходит Низами. И потому, что «убого бытие... нет в нем света, ничего в нем, кроме стога, нет...», поэт в своей последней поэме «Искандер-наме» мечтает об утопическом обществе с благоустроенной жизнью, об обетованной земле, на которой царили бы радость, счастье, любовь и разум.

Низами один из величайших мастеров стиха в восточной поэзии. Язык его чрезвычайно богат, колоритен. В его стихах нет ни одного лишнего, не необходимого слова. Каждое слово отточено им до блеска, использованы все его семантические оттенки. Необъятен и неисчерпаемо богат и поэтический арсенал Низами оригинальными образами, сравнениями, метафорами, гиперболами, контрастами. Но вся система образов Низами носит чисто служебный характер и не является самоцелью, как это можно видеть у многих предшественников и современников Низами (Унсури, Анвари, Хакани). Поэт не ставит себе целью поразить читателя неожиданными образами. Все поэтические средства подчинены одной цели — раскрытию внутреннего мира, духовного содержания лирического героя.

Обычные для восточной поэзии сравнения в лирике Низами приобретают специфическую окраску и выразительность. Для сказанного достаточно привести один пример.

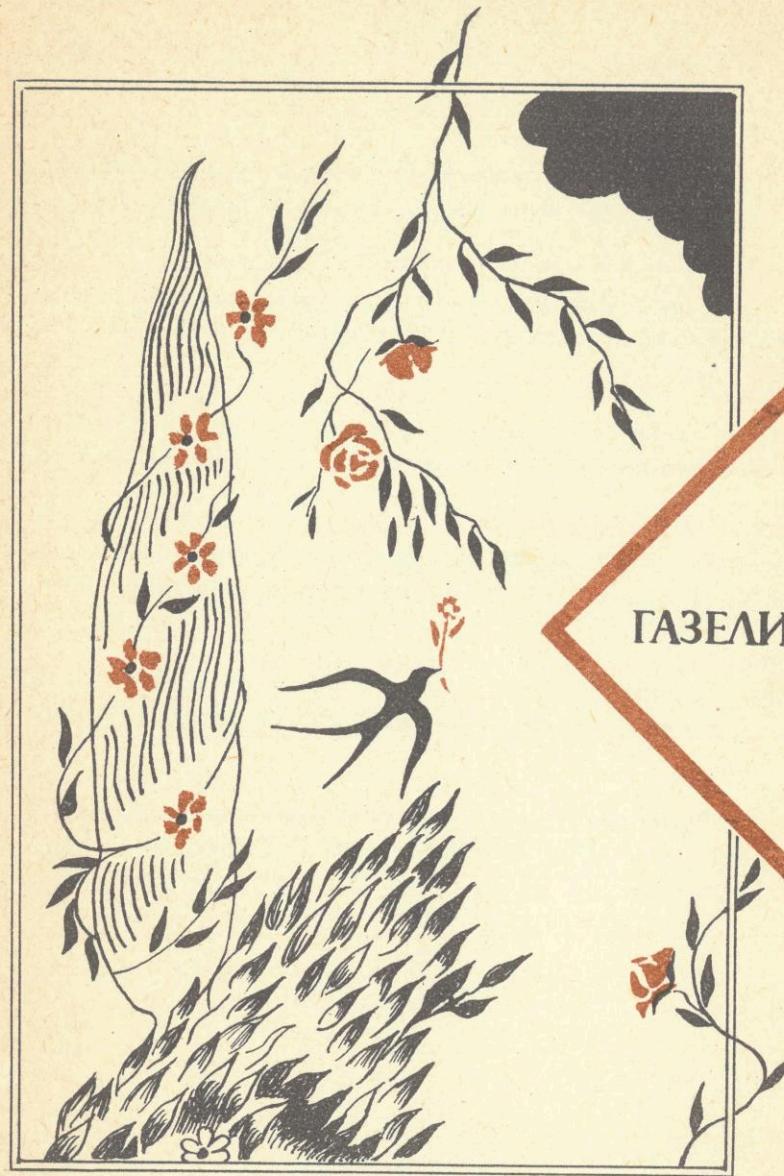
В одной из газелей поэт описывает свою возлюбленную: волосы ее распущены, рот мал, словно атом, у нее черная родинка, губы слаще пчелиного меда, прекрасное лицо сияет, как солнце, она непреклонна и упряма, нет у нее верности и стыда, и она безмерно красива. Как видно, эти традиционные избитые сравнения сами по себе ничего не значат и вряд ли могут доставить кому-нибудь эстетическое наслаждение. Но поэт применяет их в таком сочетании, в таком контексте, что каждое из них становится необыкновенно выразительным. И не только для изображения внешней красоты возлюбленной, но и для раскрытия ее душевных качеств и внутреннего мира.

Локо́н любимой в смятенье, так же как в смятенье время и век и как дела поэта; ее родинка черна, как ее душа и несчастье влюбленного; ее лицо светло, словно солнце, как мысль героя; она непреклонна, как звезда поэта...

Что смятенней: время, локо́н ли твой каждый, дело ли ненужное мое?
Меньше ль малый атом, рот ли твой карминный, сердце ли недужное мое?
Родинка, душа ль у тебя чернее, или мое несчастье черней?
Слаще ль мед пчелиный, или губы милой, слово ли жемчужное мое?
Мысль моя светлее, солнце ли с луною, иль твое прекрасное лицо?
Ты ли непреклонней, иль моя планета, или сердце дружное мое?
Верность ли красавиц, стыд ли твой слабее, иль мое терпение слабей?
Что, скажи мне, больше: красота твоя ли, горе ль безоружное мое?

Благодаря перечисленным особенностям газели Низами приобретают неповторимую прелесть и силу эмоционального воздействия. В лирике Низами мы находим глубокую поэтическую мысль, нетленные чувства человеческого сердца, облаченные в яркие образы, изящную форму, в музыку, то сладостную, то печально-грустную. Все эти достоинства делают лирику Низами близкой, понятной людям наших дней.

РУСТАМ АЛИЕВ

ГАЗЕЛИ

Готова молодость твоя откочевать, схвати ее.
Родную кинувший страну, скажи мне: где пути ее?

Затем согнулись старики, давно изведавшие мир,
Что ищут юность; глядя в прах, всё мнят в пыли найти ее.

Зачем бросаешь ты, скажи, на буйный ветер жизнь свою?
Припомни вечность. Надо здесь тебе приобрести ее.

Ведь жизнь не жизнью ты купил, не знаешь цену жизни ты.
Жемчужины не взвесил вор, хоть он зажал в горсти ее.

Коль будешь радоваться ты — в отставку горе не уйдет.
Горюя, радость не спугнуть, навек не отместит ее.

Дай органа званы нам! Дай аргаванное вино!
Есть песнь любви, о Низами! На радость в мир пусти ее!

О кумир! Мне знак призывный глазом шаловливым сделай
Исцели свиданьем сердце, время ночи дивом сделай

Все одно мне счастье снится: в полумгле тебя лобзаю
Кудри черные приблизив, ты меня счастливым сделай

Падишахи благосклонно бедняков ласкают взором.
Погляди по-падишахски, взор свой неспесивым сделай

Низами тебе на рабство препоясался. На рынке
Ты купи меня, гуламом ты меня нельстивым сделай.

Мне ночь не в ночь, мне в ночь невмочь, когда тебя нету со
мной.
Сон мчится прочь, сон мчится прочь, беда в мой вступает покой.

Клянусь, придет свиданья час: пройти бы не мог стороной.
Клянусь я мглою кос твоих, уйдешь, — и охвачен я мглой.

Не мне ль нестись к тебе одной, стремиться могу ли к другой?
Тебе ль искать подобных мне, — не тешусь надеждой пустой.

Сравнись со мной — величье ты, взглядишь — никну я пред тобой.
Сравнюсь с тобой — не прах ли я? Все клады в тебе лишь одной.

Нет глаз, чтоб видеть мне твой лик, мне радости нет под луной.
Нет ног — поспеть к тебе, нет рук, чтоб с жаркой сложить их
мольбой.

Забыла ты о Низами, владея моею судьбой.
Днем гороскопы числю я, в ночь звезды слежу над собой.

Во влюбленных, как во львов, взором мечешь стрелы ты.
Тех, в ком львиные сердца, дней лишаешь смело ты.

Целясь стрелами ресниц, не спускаешь тетивы.
Диво! Не пустив стрелы, сердце мне задела ты.

Я, увидевши твой лик, власяницу разорвал.
Лишь похмелье — не вино — шлешь мне без предела ты.

Жду чего я? Раздробить сердцем каменным своим
Сердце хрупкое мое, верно, захотела ты.

Поминаю каждый день ночь свидания с тобой.
А по крови ран моих дни считать велела ты.

Ищешь розу, Низами, — терн мучительный прими.
От такого никогда не уйдешь удела ты.

Спустилась ночь. Явись, Луна, в мой дом приди на миг!
Душа желанием полна, — о, погляди на миг!

Ты жизни плещущей родник, исток существованья,
Недаром я к тебе приник, — прильни к груди на миг!

Не ненавидь, не прекословь, дай мне немного счастья!
Смотри, как жадно бьется кровь, — к ней припади на миг!

Верь этим благодным слезам, и, если я отравлен,
От черной немочи, бальзам, освободи на миг!

Зачем ты пляшешь на ветру, изменчивое пламя?
Будь благовоньем на пиру и услади на миг!

Но смоль волос вокруг чела — тугры крылатый росчерк
Я раб, султаном ты пришла, — так награди на миг!

Краса! Краса! Грабитель душ! Принять твой хищный взгляд
желаю.

Ты ярко озаряешь ночь, я взять горящий клад желаю.

Уста и родинка, что мир спалили, — сахар и сандал.
Куритесь, сахар и сандал! Душистых я отрад желаю.

У соли ведь соленый вкус, и сладкою не станет соль.
Хоть сладкая солонка ты, но я таких услад желаю.

Два мира, помня о тебе, в едином этом кубке пью.
И если кубок ты нальешь, будь это даже яд, — желаю.

Кудрей блестящих аромат наполнил амброй мир вокруг.
Как эта амбра хороша! Вдыхать я аромат желаю.

Я опоясал Низами всю жизнь служить кудрям твоим.
Твой локон молвил: «Обрести тебя слугой — будь рад —
желаю».

Я всю ночь не сплю, мечтаю: будь хоть ночь со мною ты.
Не захочешь — снова сердце наградишь тоскою ты.

Ты других ласкаешь нежно, и глаза твои — нарцисс,
На мою звезду посмотришь колкою травой ты.

Дружбой хвастаешься дерзко с тысячью врагов моих
И меня стыдишь пред ними, о создание злое, ты.

Постучись в согласия двери, будь хоть день в ладу со мной,
Не страшны враги мне, если ласлова порою ты.

Ты куда летишь, как птица? Как тебя мне разгадать?
Нет, не поймана ни глазом, ни моею душою ты.

Город весь тебя желал бы, не один лишь Низами,
Но лишь только Ахсатана обняла рукою ты.

За тобою влекущийся, я смертельного края достиг.
Меч разлуки костей моих, их легко раздробляя, достиг.

На пути твоих прихотей сердце стало харчевней скорбей.
Не один караван ее, прах пути поднимая, достиг.

Сквозь года многобурные жизни нашей играющий челн.
— О беда, о отчаянье! — брега, груз свой теряя, достиг.

Птица, сети порвавшая, разве в сети вернется опять?
Жизни канувшей молвишь ли: вновь тебя я, бывая, достиг?

Не ценил наши встречи я, блага я не ценил потому,
Что я блага негаданно, ожиданья не зная, достиг.

Нет страсти мне в сердце — ведь сердце мишень — воше
Мой крик в небеса, сквозь лазурную сень, вошел.

Нет, мне не забыть ноготка на руке твоей!
Нож в сердце мое — мучить милой не лень — вошел.

Что толку скрывать в этом мире любовь к тебе!
В тот мир уж давно слух о ней, словно тень, вошел.

Мой дух за тобой с караваном хотел брести.
Да снова в свой дом — за ступенью ступень — вошел.

Ты молвила мне: «Низами, я приду». Спеши!
Судьбою назначенный, в горницу день вошел.

Вночи я знаю: сердце мне от той отвлечь придется,
На чьей дороге утренней мне снова лечь придется.

Возлюбленная избрана, и, чтоб избрать другую,
Придется сбросить эту жизнь, вторую влечь придется.

Луна! Тебе я жертвой стал, — благословен твой праздник! —
Мне по твоим глазам гадать — как ни перечь — придется

Попоной твоего коня я голову прикрою,
Воительница! Вновь ронять мне жалкий меч придется.

В дар на пиру прими меня, — ужели жемчуг слезный
Мне в золотом ларце моем всю жизнь беречь придется?

С дороги убери скорей обычай ранить сердце,
Горячей кровью мне залить дорогу сеч придется.

Из сердца эта влага бьет, из глаз моих струится, —
Прах Низами у ног твоих — ей смыть и сжечь придется!

Тоскую о красе твоей, о взоре о едином
Я раб тебе, кому ж еще стал взор твой господином?

О лице, об устах твоих — свидетели глаза твои.
Коль ты свидетель и истец, не отыскать судьи нам.

Молю, непонимающим не открывай красоты своей:
Ревную я и к зеркалу по явственным причинам.

Ты мускус. Ветер утренний не проникал до тайн твоих
Кудрей твоих не треплет он, гуляя по долинам.

Вода, сердца поющая, с твоей стремится улицы.
И день и ночь разбой идет вдоль по твоим тропинам.

Знай: чудо красоты твоей — души моей владыка.
Как будто вся краса земли — в одной тебе, великой.

Дай ласку мне отрадную, о, поцелуй уста мои,—
Я нищ, мне от тебя нужна хоть малая толика.

Спросил я: «Сердце где мое?» Ответствует лукаво:
«А там, где не найдешь его, и в том любви улика».

Я неустанно слезы лью, пощады я твоей молю:
«Не мой ты рук в моей крови», — но нет, не слышишь крика.

Что говорить перед людьми, как сильно любит Низами,
Когда прекрасней сердца нет и нет прекрасней лика?

Но если шах Кызыл-Арслан тебя про ласку спросит,
Что государю своему ответишь ты, скажи-ка?

Мир покаянья моего разрушен вновь огнем любви.
Вновь разговеться мне пора несмешанным вином любви.

Кумиром сердце зажжено, чье имя вечное Зухра,—
И солнце силы лишено пред нежным божеством любви!

Хоть искра падает любви в любое сердце, назови
Жаркое, что тебе милей, чем сердце под ножом любви?

Твой глаз намеком мне сказал, сказал: «Твое — но потерпи».
Аллах! Я терпелив, но жизнь идти спешит путем любви.

Пусть охотится на всех газелеоких, но меня
Разит ее очей газель, едва забудусь сном любви.

Она вольна меня карать, о, пусть измучает меня,
Но лишь не прогоняет прочь, не замыкает дом любви.

Хоть грех великий — без вины разить таких, как Низами.
Пусть разит, пусть разит, когда я стал рабом любви!

Спешу, о, спешу, без тебя умираю!
Мне помощь подай, — без нее пропадаю!

В крови мое сердце, стенаю в разлуке:
Свиданья! Тоска! Часа встречи не знаю!

Уж раз ремесло твое — быть музыкантом,
Я звуков высоких и низких желаю.

Басмой лук бровей не натягивай грозно
До самых ушей! Шли стрелу! Ожидаю.

Ты знаешь, что жить без тебя я не в силах.
Ты жизнь мою хочешь, бери же, — бросаю!

Я вижу: удачи я жаждал напрасно, —
Я вздохом последним тебя призываю.

Тебе Низами отдает свою душу,
Прими — как страдания я принимаю.

Скорбь моя благословенна, вечно по тебе она.
Эта скорбь за все отрады мной не будет отдана.

Скорбь моя веселья лучше. Что на это молвишь ты?
Лучше бьешь ты, чем ласкаешь. Эта речь и мне странна.

Я тебе служу покорно, хоть служить и права нет.
Ты же мне помочь не хочешь, хоть вся власть тебе дана.

Без речей ты мне сказала: «Жди свидания со мной».
Может быть, не в этой жизни? Здесь надежда не видна.

Как вместить иную в сердце? Место в сердце — для тебя,
Кто с тобою схож? Ответь мне. С кем ты схожа? Ты — одна!

Расступился черный мускус, и она всплыла вчера.
Оттого пришли в порядок все мои дела вчера.

Лунолика спешила, соглядатаев боясь,
Полотно с луны срывая, розы обожгла вчера.

На жемчужину глядел я, глаз не властен отвести,
Словно по моим ресницам — влажная — сошла вчера.

И покоились мы рядом. Пробудилось — и бегом
Счастье резвое пустилось, чуть сгустилась мгла вчера.

«Ухожу! — она сказала. — Что мне дать в залог тебе?»
«Поцелуй», — я той ответил, что мне жизнь дала вчера.

Я проснулся, опаленный, и огонь во мне горит, —
Впрямь была вода живая в той слезе светла вчера.

Головою ширваншаха вам клянется Низами:
Лишь во сне со мною вместе милая была вчера.

Ты видишь: я твой давний друг, — зачем томишь тоской
меня.
Зачем отталкиваешь ты с небрежностью такой меня?

Коль спросишь о беде моей, оставь меня в моей беде,
Коль озабочу я тебя, забудь в заботе злой меня.

Я пред людьми тобой горжусь, но как меня стыдишься ты!
Я приношу тебе любовь, а ты даришь враждой меня.

Какой бы цвет ни приняла, — и я такой же цвет приму, —
Аллаха славь, носи зуннар, увидят все с тобой меня.

Коль скорбь моя не тяжела, тебе со мной скорбеть легко,
А если я пред ней склонюсь, прогонишь с глаз долой меня.

Своим сокровищем тебя всегда признает Низами.
Тебе пристало унижать, казня своей рукой меня.

О, день мой счастливый: я видел лица твоего овал!
О, рок мой, он благосклонен: я твой аромат вдыхал.

Я господу славословлю, о, пламень очей моих,
К ногам красоты сегодня взор мой счастливый упал.

Противоядье — свиданье! Два мира ему цена.
Губительный яд разлуки испробовал я, узнал.

Кто хоть однажды взглядом окинет красу твою,
Не скажет, что я понапрасну тебя для любви избрал.

Как вырвать теперь из сердца, о друг мой, любовь к тебе, —
Ведь с жизнью и с телом вместе я эту любовь питал.

Душа аромату свиданья возрадовалась давно,
Но время прошло, я в клочья рубаху в тоске порвал.

С пылающим кровью сердцем все это сказал Низами.
О, день мой счастливый: я видел лица твоего овал!

Эй, бабочка, гаси свечу! Уж светоч здесь влекущий мой.
Эй, туча, всею кровью плачь! Уж розан здесь цветущий мой.

Ристалищем твоим я стал, я дань твоя в день торжества:
Фагфур в мой Индостан пришел — властитель всемогущий мой.

Ведь стан ее — что кипарис, пред ним робеет райский страж,
Я раб ее, она султан, владыка вездесущий мой.

Блеснуло, как свеча, лицо, и крылья мотылек спалил,
Я, жаждущий, склонил уста, она родник зовущий мой.

Я ей сказал: «Любви полна, побудь со мною, с Низами!»
Она в ответ: «С ним буду я, он — радости несущий — мой!»

Спать не стоит! Станем лучше веселиться до утра!
Этот сон в другие ночи мной продлится до утра.

То к тебе прижму я веки, то тебя душою пью,
Чтоб тебе вот в этом сердце поселиться до утра.

Ты, дитя, миндальноока, сахар — твой красивый рот,
Пьяным любо снedyю этой усладиться до утра.

До утра вчера в разлуке руки горестно ломал.
Ночь — и я в венце, и розам не развиваться до утра.

Жизнь свою тебе я отдал. Вот — рука, и весь я твой.
Дважды шесть! И в нардах счастье нам сулится до утра.

Ты склони свой сульф смиренно и до полночи целуй.
Растрепи, как сульф, смиренье, — винам литься до утра.

К Низами стихам склоняйся! Что кольцу в твоём ушке
До кольца дверного! Кто-то пусть стучится до утра!

Дивен аромат кумира. Лишь ко мне повеет он, —
Как Иса животворящий, душу мне согреет он.

Взор мой — словно взор Якуба, обоняющего ткань,
Что Юсуфа облекала: под слезой светлеет он.

Зульф кумира благовоньем наполняет вешний сад,
Насыщать рейхана вздохи сладостью умеет он.

Под его дыханьем роза разрывает свой наряд;
На жасмин взгляни: красуясь белой шапкой, млеет он.

Жизнь в мои вдыхает члены черных прядей аромат
Поутру, когда, как мускус, надо мною реет он.

О моем кумире грежу. Ах, когда-нибудь меня,
Разлучившегося с сердцем, — верю! — пожалеет он.

Если близ могилы друга друг дорогою пройдет,
С ним заговорит покойник, хоть давно уж тлеет он.

В миг свидания воскликнет благодарный Низами:
«Мой кумир со мной, навеки скорбь мою рассеет он».

Лик покажи свой. Я созерцать блеск гулистана жажду.
Рай приоткрой мне сахарных уст. Их непрестанно жажду.

Дивен цветник свиданья с тобой: нет в нем шипов, и все же
Благоуханных жажду я роз, плоти их рдяной жажду.

В доме игорном иль в кабаке стать навсегда залогом
Вместо давно пропитой чалмы, вместо кафтана жажду.

В кельях суфийских я не слышал нелицемерной речи;
Мне на плечо поставьте вино. Полного жбана жажду.

С чашей хмельного в правой руке, с локоном друга в левой,
Я посреди базара бродить с грезой пьяной жажду.

Наземь чалму свою уронив, темя бия руками,
В пляске топтать ковры стариков, верных корану, жажду.

Долго ли мне чело преклонять перед порогом школы?
Скит иль кумирню сделать своей целью желанной жажду.

Стали ко мне друзья мои все злей скорпионов лютых,—
Ныне с ехидной в дружбу вступить я, бездыханный, жажду.

Сердце любовной страсти отдать, не выходить из круга
Тех, что пленяют жаром очей, гибкостью стана, жажду

Горечь разлуки душу мою нудит к губам подняться;
Ах, поцелуя, что исцелит тяжкие раны, жажду.

Я, Низами, тебе на уста хоть бы одно лобзанье
Робко сложить, как будто на длань мощного хана, жажду.

Не было ей равных; скрылась, лунолика и бела.
День лица ее сияет, а в кудрях ночная мгла.

Все сердца для уст румяных — финик или молоко;
Поглощает их. Лобзая, всем им жить бы помогла.

Благочестие похитил мускусной косы аркан.
В душу сладостную тихо горькая тоска вошла.

Без нее мне нет покоя, от нее мне бегства нет.
Сердце ранами покрыто. Прахом — все мои дела!

О кумир, скажи мне, где ты? Отчего ты не придешь?
Сердце тайно, сердце явно сладким взглядом отняла.

Приходи, пути не долги, знаешь улицу мою?
Ради завтрашнего утра взором тень сгони с чела.

Я в томленье, в униженье от разлуки и тоски.
Если бросишь — остается мне безлюдная скала.

В сердце Низами бросаешь для чего огонь разлук?
Лишь с тоскою я сроднился, ты печаль в мой дом ввела.

Счастье пьяное мое в ум придет когда-нибудь.
Крепкий сон судьбы моей, он пройдет когда-нибудь.

Эту дверь раскроет вихрь, ночь засветит ясным днем
Душу мне воровка душ вновь вернет когда-нибудь.

Враг в надежде на любовь ласки не дождется, нет!
Лишь презрение во мне он найдет когда-нибудь.

Для нее неверным стал, — может, черный зульф ее,
Как зуннар виясь, мой стан обовьет когда-нибудь.

Влюбленный слеп. Но страсти зримый след
Ведет его, где зрячим хода нет.

Вне страсти нам отрады не сыскать,
Есть только желчь да темень черных бед.

С полою грязной не идут к любви.
Есть у влюбленных множество примет.

Через безумие идет их путь.
И подражателям тут места нет.

Ведь ты, когда ты любишь и любим,
Миров обоих обретаешь свет.

Покинь скорей темницу слова «я»,
Ты скажешь: «Мы», — и зацветет рассвет.

Прекрасен отдых на твоём пути,
Но и терзаний вкусишь горький цвет.

Будь праведен, коль можешь, Низами.
Для сердца светоч — праведности свет.

Я хочу тебе открыть глубину скорбей своих,
Чтобы ты дала совет влажной мгле очей своих.

Ты меня не попрекай, ты влюбилась бы сама,
Лик свой в зеркале узрев, в серебре лучей своих.

Облик ясный, как луна! Не сердись на беглеца,
Что защиты ищет он у иных друзей своих.

Глаз мой не видит окрестный мир, прелесть познавши красы твоей.
Гибель хотел бы познать одну — в кольцах душистых косы твоей.

Сердце утратив, к тебе иду, ранней зари я встречаю свет.
И на лице твоём добрый знак, помню любви я часы твоей.

Мертв Низами, он погиб в тоске, верности дар ты ему пошли.
Вновь оживет он, когда вдохнет свежие капли росы твоей.

Дух мой кыблү изменил, в плен христианкою взят.
«Как мусульманин такой мерзостен!» — люди кричат.

Идолу бросил к ногам коврик молитвенный я,
Верой и правдой служить милому идолу рад.

Я на заре у скита в дверь постучался кольцом,
Крест мне отвечивал: «Тут куща бесплотных услад».

Так я гляжу на нее, как христиане на крест;
Дивным смятением я, бывший подвижник, объят.

Стал, как Давида напев, сладостен благовест мне,
Краше мне кажется скит всех Сулеймана палат,

Солнце — кыбла ей, а мне — лик светозарный ее.
Гляньте, как дивно блестит этот чарующий взгляд!

В скит превратился мой глаз, слепо бродивший досель;
Кровью моею творить можно причастья обряд.

Явным подвижником я прожил все сорок годов,
Ныне ж открылся во мне тайный неверных собрат.

«Как, — спросил я ее, — в скит превратилась Ка'ба?»
«О Низами, — был ответ, — ищут в развалинах клад».

Другим знавала ты меня, а ты — ты лучше, чем была,
Твоя умножилась краса, моя же молодость прошла.

Я только пламя, ты Халил — что ж я не гасну пред тобой?
Нет, не умру я лишь затем, чтоб ты из сердца не ушла.

Не по приказу ты меня, по доброте своей утешь.
Насколько можешь, будь со мной и, сколько хочешь, будь
мила.

Меня разбитым назовешь — смогу ли не разбитым быть?
Ведь облик видела ты мой, и сердце ты узнать могла.

Лишь на служение тебе стал препоясан Низами —
Ведь он для счастья двух миров желает, чтобы ты жила.

Если нас не осуждаешь, в мейхану иди скорей, —
Тут, неверию предавшись, в нард играй в кругу друзей.

И неверный — мусульманин, коль снисходит он ко всем.
Ах, должно быть, это странно для тупых звучит ушей!

Верь мне: если нет кумира у тебя, ты обречен
Всюду быть всегда похожим на кольцо, что у дверей.

Откажись от пустословья, от вседневной суеты,
Чтоб вкусить хоть миг улады от возлюбленной своей.

Этот мир и тот — лишь тени. Позабудь о них — и ты
Станешь князем всех влюбленных, что живут в юдоли сей.

Весть! Весть о милой пришла! Что же с ней?
С той, что для сердца стрела, — что же с ней?

Чем занята, что творит, что вершит?
Глаз ее сладостна мгла. Что же с ней?

С той, что как жизнь мне моя дорога.
С той, что мне хочет лишь зла, — что же с ней?

Долгие дни я сгораю в огне.
С розой, что в росах выросла, — что же с ней?

Льет мою кровь она ловко! Скажи
С клятвой, что роза дала, — что же с ней?

Стал Низами — как Якуб, ну, а с той,
Что, как Юсуф, расцвела, что же с ней?

Что ты знаешь о Хабеше? Вижу: из Хотана ты,
Хоть с пушком, таким хабешским, так полна дурмана ты!

Я же, черный, из Хабеша, я ведь страстью опален.
Из Хотана ты, бела ты, серебро фонтана ты!

Странно! Кудри из Хабеша, из Хотана светлый лик.
Так откуда ж ты, скажи мне, из какого стана ты?

Не бело лицо хабешца, а в хотанцах соли нет.
Горстка соли! Всех белее — в этом нет обмана — ты.

Что смятенней: время, локон ли твой каждый, дело ли ненужное
мое?

Меньше ль малый атом, рот ли твой карминный, сердце ли
недужное мое?

Родинка, душа ли у тебя чернее, иль мое несчастье черней?
Слаще ль мед пчелиный, или губы милой, слово ли жемчужное
мое?

Мысль моя светлее, солнце ли с луною, иль твое прекрасное лицо?
Ты ли непреклонней, иль моя планета, или сердце дружное мое?

Верность ли красавиц, стыд ли твой слабее, иль мое терпение
слабей?

Что, скажи мне, больше: красота твоя ли, горе ль безоружное мое?

Тюрки рабами индийскими стали — рядом с тобой.
Глаза дурного бы не замечали — рядом с тобой!

Пряди волос моих — лишь за единый твой волосок
Жертвой достойною стали б едва ли — рядом с тобой.

Я напоил тебя влагою сердца — чистым вином;
Печень мою истерзают печали — рядом с тобой.

Розу пологом колючим твой всеильный взгляд закрыл,
Вижу я зуннар на розе: лик твой вешний сад закрыл!

От стыда перед тобою зарумянился бутон,
И зардевшиеся щеки он в кругу досад закрыл.

А когда свою поклажу развязал твой черный зульф,
Цвет фиалки на замочек свой цветочный склад закрыл.

И одним крылатым словом твой прекрасный аргаван
Наших лилий говорливых чаши все подряд закрыл.

О своем желанье новом розе на ухо скажи,
Хоть нарцисс глаза на это много дней назад закрыл.

Соловей красноречивый состязался с Низами,
Но, газель услышав эту, клюв свой, говорят, закрыл.

О луна, скажи, чьим гостем ты с твоей красою станешь?
Знаменьем красы кому ты, посланным судьбою, станешь?

Голова твоя покрыта сенью царственной из амбры.
С черной сенью, чьим султаном ты ночной порою станешь?

Ты сладка, с тобою рядом тростниковый сахар — горечь.
О грабительница сердца, где ты не чужою станешь?

Ночь темна, но путь мой светел, лишь боюсь дурного глаза.
Ты родник. Во мраке этом чьей живой водою станешь?

Ты уходишь. Дух мой тоже хочет прочь уйти от горя.
Болен Низами. Целебной ты кому травой станешь?

Месяц неполный прошел, ночи — лишь стража прошла.
Входит подруга моя; кубок она подала.

Дружески села она здесь, перед взором моим.
Страха в ней нет пред врагом; нет ей от ближнего зла.

На ледяное вино, на огневой поцелуй
Право имела душа; право, как честь, приняла.

Будто бы мед с молоком, с милой слился Низами.
К большому счастью лететь в мире не сыщешь крыла!

Так роза на щеках вина смеется,
Что вся душа вина до дна смеется.

И сад от смеха стал таким веселым,
Что и тюльпан в нем допоздна смеется.

И столько над собой рыдала туча,
Что аргаван, восстав от сна, смеется.

О кипарис с плавной поступью мой, роза скупая моя!
Я-то — весь твой, о тебе ж не скажу: «Ты не чужая — моя».

Жизнь переполнена только тобой, сердце тебе вручено.
Вот моя жизнь! Вот и сердце, а в нем страсть огневая моя.

И под мечом буду руки тянуть к локонам черным твоим,
Лишь бы, как ворот, меня обняла милая, злая моя!

Я погибаю, сгораю, спаси, я прибегаю к тебе:
Сладостный рот твой — живительный ключ, жизнь он вторая
моя.

Слушай, приди к Низами, чтоб, гордясь, голову поднял свою
Царь Ахсатан — ведь ему вручена песня любая моя.

О мой кумир, сердца не дам, нет, не расстанусь я с ним!
Если возьмешь сердце мое, знаю, уйдешь ты с другим.

Сил уже нет, ну так зачем все угнетаешь меня?
Словно себе, сделай ты мне то, что находишь благим.

Я не Джамшид, я не богат, твой не купить поцелуй.
Вот оно, вот сердце мое! На! Насладишься ты им!

Я на пиру лишь о тебе розовой плачу водой.
Роза моя! Горек твой смех бедным колючкам моим!

Блеском небес, светом очей я называю тебя.
Слава тебе, лику луны, сахарным лалам твоим!

Ты рукой мне сжала сердце, жизнь влачу пустую я.
Жизнь моя к концу приходит, в верности тоскую я.

Всюду, где ты скорбь увидишь, мне ты сватаешь ее.
А тебе всегда желаю радость молодую я.

«А какой бальзам, — спросила, — нужен глазу твоему?»
— Из-под ног твоих лишь только пыль хочу седую я.

Я одежду шью, мечтая о свидании с тобой.
На тебя надеть хотел бы ризу золотую я.

Долго ль жить еще ты будешь, проливая кровь мою?
О тебе по свету славу разношу благую я.

Как безмерно я терзаюсь, милый идол, погляди
И свой черный глаз нежнее быть со мною убеди.

В зеркале свой лик увидев, тут же влюбишься в него, —
Потому меня так строго за влюбленность не суди.

Воеводе вздохов не дал я тебя громить, — меня
От разбойницы разлуки в благодарность огради.

Лишь в тебе ищу опоры, но, отвергнутый тобой,
Воззову в тоске к другой я: «Защитить меня приди».

Подбородок твой — колодезь, где душа моя давно
Горестным Юсуфом страждет без спасительной бадьи.

Оттого, что в кольца вьешь ты влажных зульфов черноту,
Высыхает кровь, как мускус, у меня в больной груди.

Хоть, стыдясь перед тобою, о грехах своих молчу, —
Благодатный луч прощенья мне маячит впереди.

Низами рабом покорным и слугою стал твоим;
Чашей верности за службу ты его вознагради.

Клянусь, о душа! Знаю, есть у меня приметы благие твои.
Как зульф, черен день, рдеет сердце, узрев уста огневые твои.

Нет сил у меня, мне угнаться нельзя за стременим быстрым твоим.
Рука не достанет никак повода схватить золотые твои.

Всю душу отдам я за твой поцелуй, не нужно тебе — не бери.
И ради доходов моих не нужны убытки такие твои.

Сказала ты мне: «Низами, воздержись, будь в скорби по мне
терпелив».

Могу ли терпеть я, услышав хоть раз слова эти злые твои.

В пору мне груз твой! Скажешь — немолод, — пусть!
Ношу приемлю. Путь не прополот? Пусть!

Страсти, тобой мне внушенной, пью я хмель:
Яд примешан тобой в чистый солод — пусть!

Мной не гнушайся — ты мне дороже всех.
Если сердцем твоим правит холод, — пусть!

Молот против меня жизнью дан тебе.
Если жизни тобой дан тот молот, — пусть!

Жду я тебя, несытый. Жду, изнемог.
Пусть утоленьем кончится голод, пусть!

Ах, Низами, в саду твоём — соловей:
Роза цветет, шипом он проколот... пусть!

Если сперва — жертвой твоей стану я,
Духом опять — лишь захоти — вспряну я.

Весь я — в крови, струями слез весь омыт,
Знай — без тебя в небытие кану я.

Сердце — в бегах. Как разыскать след его?
Гщетно твоей помощи жду, вяну я.

В кожу мою втравив тавро, волю дай:
Я еще тощ — пойман тобой рано я.

Взором сверлю пряный рубин уст твоих,
В гости к тебе вздумал зайти спьяну я.

Вот — Низами печатью жжет перстень уст.
Вот — сродни этим стал Сулейману я.

В жертву тебе — бросить чего не могу?
Голову сняв — взять на ладони могу.

Дух затаив — чтобы тебя изловить,—
Сердце уняв, красться тихоней могу.

Мусор домашний твой — украсить, поверь,
Всем, что горит на небосклоне, могу.

Вечность в конюшню твою дерзнув вместить
Дать слуге в придачу к попоне могу.

Сделай шаг к Низами — прах от ног твоих
Я вдыхать взамен благовоний могу.

Юность всю тебе я отдал: юности ты милой слаще,
Я умру перед тобою — жизни ты унылой слаще.

Ты для глаза — буря злая, но на сердце — свет от взора.
Ты, что сердце давишь горем, — радостного пыла слаще.

«Погляди», — сказала. Что же? Я тебе цены не знаю.
Знаю только, дней моих ты мне всегда светила слаще.

Мир с тобой, с тобою ссора — слаще мне одно другого.
В гневе ты сладка, ласкаешь — сердце не забыло — слаще.

Жизнь — жемчужина: свиданье Низами оплатит жизнью.
Но платить ли мне так скупое? Все, что ты дарила, — слаще

Кыблá всем в широкой пустыне мирской,
Ста тысячам душ ты — желанный покой.

Ты, стан опоясав, — о стройный тростник! —
Сплела вместе с розой душистый левкой.

Мгновением каждым, живя, дорожи:
Течет наше быстрое время рекой.

Взнуздай это время — лихого коня,
Чей бег — день и ночь — безудержный такой.

Взял шахство Арслан у счастливой судьбы.
Ты шахства своею достигла рукой.

Уст рдяных Египет — Юсуфа приют!
О, если б тут был Низами день-деньской!

В душе всегда базар готов для милой,
Из вздохов я соткал покров для милой

По лалам сахарным, как сахар, таю;
Готов влачить я груз оков для милой.

Неверная нарушила обеты,
А у меня уж нету слов для милой.

Цвет гиацинта щек ее коснулся.
И не жалеет завитков для милой.

Целую днем я дверь ее и стены,
А ночью рву кошницы снов для милой.

Друзья, на помощь! Яростны нарциссы,
И раны сердца — лишь улов для милой.

Красавица, повержен я, так даром слов не трать — зачем?
Уста мои сомкнула ты, я не приду как тать — зачем?

Ты жаждешь похищать сердца, неблагодарною не будь;
Ужель души лишилась ты? Моей душе страдать — зачем?

Позволь смотреть в глаза твои, ведь не разбойник я, слуг.
Служу тебе, как муравей, но не хочу молчать — зачем?

Ты, чтоб ограбить муравья, не заносись, как Сулейман,
И заклинаний не твори, ручью стремиться вспять — зачем?

Но будь доволен, Низами, когда пьянящая придет,
И на пиру не хмурь бровей, судьбу ли отгонять? Зачем?

Может быть, эту газель прочитав, меня исцелить
пожелаешь ты.
Раненым сердце увидишь мое — как сердце утешить, узнаешь ты.

Верен тебе, опоясался я — таков незадачливый путь любви.
Ты ведь любимая, так для чего мною всегда управляешь ты?

Если скажу я: «Налей мне вина», — вино моей крови ты в кубок
льешь.

Если же музыки я попрошу — то стоны звучать заставляешь ты...

Встреча с тобой торжество для меня, да нужной мне твари для
жертвы нет.
В жертву себе ты меня принеси, — как жертву меня
принимаете ты?

Разве, сраженный тобой, о луна, не стою я хоть лепестка от роз?
Каждым колючим шипом, о душа, — зачем мою душу пронзаешь ты?

Ведомо всем: в мире нет у меня души без тебя, да и сердца нет.
Да запретят тебе все без меня пирушки, что втайне
справляешь ты.

Если я сделал глаза Низами лишь садом твоим для прогулок — то...
Что если призрак твой вдруг в ночи придет ко мне в гости?
Не знаешь ты?

Я, скорбя по тебе, в унижение впал. О, взгляни!
Но любовь не прошла и чиста, как кристалл. О, взгляни!

Ты ушла от меня и мне взгляда не бросила вновь,
А бывало, меня он всегда окрылял. О, взгляни!

Ты защиту находишь в прелестной своей красоте.
Несговорчивость — острый красавиц кинжал. О, взгляни!

Как же быть, Низами? Терпелив я в безмерной любви,
От которой навек я покой потерял. О, взгляни!

Друг, утешься, Судьба нам на помощь в печали приходит,
К опечаленным, друг, из неведомой дали приходит.

Хочешь вечного счастья — не спи, ночи в дни превращая.
Спящий — слеп. Счастье к спящим ночами едва ли приходит.

Ты — Хума — накорми воробьев, ты здоров — будь спокоен.
Врач к больному, — чтоб помощь ему оказали, — приходит.

От счастливого хмеля возлюбленных нищие пьяны.
Но черед отрезвленью — не ждали иль ждали — приходит.

Мухе — мед, а на пламени бабочке в муках метаться.
Вор крадет, а к айарам беда — не всегда ли — приходит?

Бой султанский прошел, и, как дождь, всюду — стрелы да
стрелы.
Дождь к полям, — если стрелы жужжать перестали, — приходит.

О дворцах ты не думай: и псарь в час охоты там нужен.
Если время рядиться в доспехи из стали — приходит.

Низами, будь утешен. Ведь каждый по-своему счастлив:
К безработным работа, что долго искали, приходит.

О спеси думай ты, как о своем недуге,
Когда припомнишь ты о дружественном круге.

Когда вина страстей испил в кругу приветном,
Забудь о жизни ты, как о плохой подруге.

Со всяким встречным ты искать не должен дружбы:
Ты можешь потерять и друга в верном друге.

Ждать справедливости от друга — ослепленье.
Когда она сама не вся к твоей услуге.

Но если хоть одно ты ранил сердце, — тщетно
О дружбе вспоминать ты будешь на досуге.

Взгляни на щеки милой ты, на каждой ты тюльпан
узришь.
Да что завистливый тюльпан! Ведь здесь ты гулистан узришь.

Бутонов розы не ищи на зацветающих лугах.
Ведь розы рядом с ней — шипы. В ней роз ты целый стан
узришь.

В тот день, когда рубины уст твое лобзанье призовут,
От дурбаша ее очей в груди ты сотню ран узришь.

Всю жизнь скорблю по милой я, душа утратила покой.
А обернись через века — что я все горем пьян, узришь.

Встань, Низами, довольно слов, уйди на шаг ты от себя, —
И в радость обратится скорбь. А в чем тогда изъян узришь?

Жить в заботе и невзгодах, расточая зло, — не стоит.
Тосковать и горько плакать, — пусть нам тяжело, — не стоит.

Мир со всем его богатством невелик: зерна он меньше.
Перед правдою неверной преклонять чело не стоит.

День заботливый, — он полон животворного сиянья.
Предрассветного тумана все его тепло не стоит.

Наша жизнь, — я слышал, — стоит меньше малого. Неправда.
Жизнь и этого — ничтожней что бы быть могло? — не стоит.

Любовь пришла, чтоб день мой угасить.
Хочу тоску по степи разгласить.

Я в бой вступил на улице твоей.
Оружье смуты должно мне носить.

Не вижу милосердия в тебе,
Иль глаз мой слеп? Тебя ли мне винить?

Закон любви установил не я,
Зачем ты хочешь кровь мою пролить?

Жемчужины в глазах у Низами,
Я мог бы ими море одарить!

Рая красавцы ныне вступают в дружбу с тобой.
Камень могильный — и под такую нежной щекой!

Жителем рая стал ты навеки, ада избег,
Хоть наслаждался легкою жизнью, долей благой.

Нежные щеки только что тронул первый пушок —
Жизнь отлетела. Кем предначертан жребий такой?

Диво ли, если — о светоч мира! — кровью очей
Я увлажняю вешнюю землю — прах гробовой?

Вижу во прахе ранний пушок твой, свежий посев.
Можно сдержать ли здесь, над посевом, ток дождевой?

Где путь в кумирню? Где в мечеть пройти?
Подобным мне к ним не даны пути.

Гуляка я, в мечеть не захожу,
В кумирне тоже душу не спасти.

Но между ними все ж проложен путь.
О дорогие, как его найти?

Ночью к другу одиноко лишь беславные идут.
Не пристало именитым без сопровождаемых быть.

Разъяснение любви: ты от каабы уйди и неверным стань.
Посоветует друг: ты влюблен — мотыльком легковерным
стань.

Сострадания любовь не найдет, обитает втайне она.
Стал любви не чужим, так для всех ты чужим и забвенным
стань.

.....

.....
Если мы поравнялись с тобой на весах у любви,
Гнев зачем твой растет и люблю я сильнее почему?

Чуть пораньше, казалось, ты больше любила меня —
Я все так же твой друг, но вражда наша злей. Почему?

.....

Спросила ты, легко ль тебе, привольно, о душа?
Боль в печени и в сердце боль. Мне больно, о душа!

Все говорят: влюбленных душ водительница ты,
Знай: я в число тех душ попал невольно, о душа!

.....

Как мотылек, свече добычей стань,
Ты птице скорби — пищей птичьей стань.

Коль с ней в беседе молвят о тебе,
Как Низами, ходячей притчей стань.

.....

Ты знакома глазу моему,
Как слеза в зрачке, сияешь ты —

Небо строит козни мне, к чему
Та игра, что затеваешь ты?

Потянуть твой локон! Раскрутить
Все препоны, что свиваешь ты.

Нам отмерен краткий миг один,
Что так медленно ступаешь ты?
.....

Ты пощади себя, сердце храни свое.
Пьяным, о друг, сердцам ты не давай его!

Взглядом задорным, верь, можно его разбить.
Пьяным, о друг, рукам ты не давай его.

Кубок, что с лалом схож, побереги, не бей.
Пьяным, о друг, устам не отдавай его.

Глянись — отшельник тут, взор отведи скорей.
Сердце храни. Слепцам не отдавай его.
.....

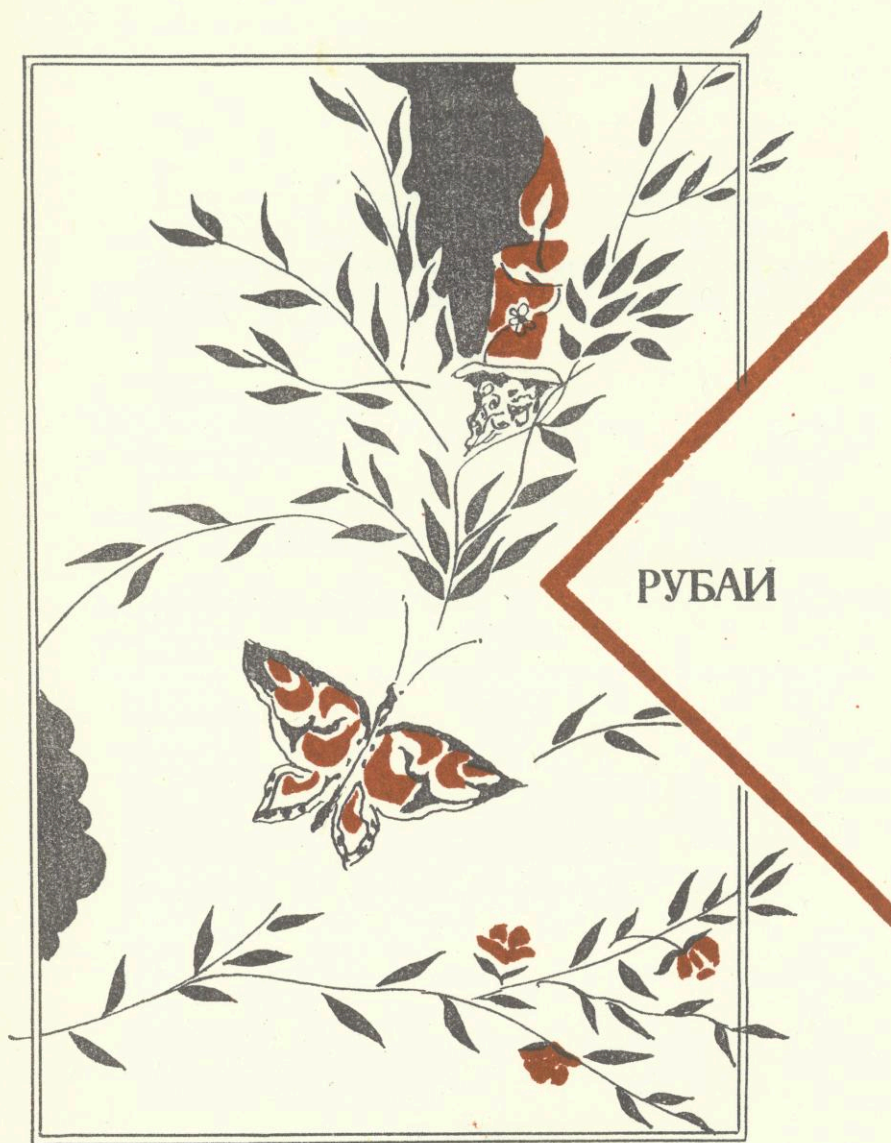
Где доблестный найдется муж, кого бы мир не гнул!
Тех, кто не мучился бы тут в цепях полона, — нет.

Хоть счастье, как невесту, мы желаем разубрать,
Но все ж убора для нее у небосклона нет.

Коль так убого бытие, каким его я зрел, —
То нет в нем света, ничего в нем, кроме стона, нет.

О сердце, словно ценный клад, ты оба мира чти!
Но оба здесь они, для них другого лона нет.

Мир, что в шатре семи небес, оставь, о Низами!
То — скорпион, спасенья нам от скорпиона нет.

Ежели твой дух тоскою неизбывною объят,
Никакие в мире речи сердцу груз не облегчат.
Распустилась пышно роза в цветнике твоей души
И, тая свой лик от взоров, льет томящий аромат.

Гурия моя земная! Ту жемчужинку, что рок
У тебя из уст похитил, к брэнной прелести жесток,
Он отнес, должно быть, к морю и сказал: «С нее пример,
О жемчужины, возьмите! Кто б сравниться с нею мог?»

Ах, очей твоих прекрасных лицезреть лучистый свет
Нашим скромным положеньем мы не заслужили, нет!
Тщетно воздыхали даже Кей-Кобад и Кей-Хосров
О свидании с тобою, и мечтанье наше — бред.

От очей моих влюбленных милая тайком ушла,
Не вняла моим стенаньям и, покинув дом, ушла.
Душу за полу хватало сердце бедное мое,
Но она, на них махнувши легким рукавом, ушла.

Так как тщетно за кумиром озираюсь я вокруг,
Мне один удел — скитаться, и скитаюсь я сам-друг.
По лицу земли я кровью сердца своего пишу
О тоске моей, чтоб сердцу передышку дать от мук

По тебе тоску не взвесят длани рока, наш кумир!
Но за муки не услышишь ты упрека, наш кумир!
Пусть за нами ангел смерти не торопится прийти:
По тебе томясь, погибнем мы до срока, наш кумир!

От меня ушла ты! Где же мне тебя искать, увы!
О тоске моей великой некому сказать, увы!
Знаю, что теперь до гроба не увижу я тебя.
Мне одно осталось: кровью очи омыwać, увы!

Если буду плакать, кто бы мне в беде моей помог?
Если же крепиться буду, смертный час мой недалек.
Память о тебе лелея, день и ночь вздыхаю я.
От любовного томленья смертных огради, о рок!

Как в курильницах алоэ, наши души в нас горят.
Ужасом кровавой брани наш несчастный край объят.
К нам стремишься ли, не знаю, но от нас ты так далек!
Не вступаешься, хоть видишь, что идет на брата брат

Дни свои влачить без друга — наигоршая из бед.
Жалости душа достойна, у которой друга нет.
Утешителя лишенный, проживи-ка, не скорбя.
Эти несколько коротких, купленных у рока лет!

Лик твой — словно месяц ясный, с горних блестящий
дорог;
Кудри на твоих ланитах — словно бы лучей поток;
На лицо твое, как будто для того, чтоб уберечь
Красоту его от сглаза, темный наведен пушок.

Нет напитка лучше сока пьяных гроздий, мне поверь!
Слава лучшая кумирен в чистом их вине. поверь!
Мир земной -- развалин гряда: жизнь нам лучше провести
Под кабацким ветхим кровом в сладком полусне, поверь!

Царь царей в слаганье слов я, в нем я — только совершенство.
Небо, время и пространство чувствуют мое главенство.

Бубенец великой славы — отзвук моего дыханья.
И перо бежит по миру, словно стяг завоеванья.

Кей-кобадовой короны достигаю головою,
Поднялось мое величье над гурхановской парчою.

Словно звуки органона, слух моя газель ласкает.
Мысли тонкие сверкают, как вино благоухают.

Я в движенье звезд — основа, а они — второстепенность.
Я — сиянье небосвода, а не туч седая пена.

В барабан не бью без толку, а забью, так свадьба будет.
Я владык не славословлю, только песни слышат люди.

Я луна, но не приемлю на себя затмений черных.
Жемчуг я без белых пятен, я из жемчугов отборных.

Люди весело смеются, если это мне желанно, —
Как в день сбора винограда почки нежного рейхана.

Если б радость не лучилась из стихов моих — жемчужин,
Кто бы пил напиток магов? Никому б я не был нужен.

Не завистник я, поверь мне, жжет моей звезды сиянье,
Как Имена светило, сына прелюбодеянья.

Разверни мой скромный свиток, дверь открой в касыду эту.
Стихотлюбы всем в подарок понесут ее по свету.

Нет в ларце простой стекляшки, что ж я жемчуг рассыпаю?
Пуст кошель! Что ж рот жемчужной раковиной раскрываю?

Сердце, вера — все разбито, что же славы я взыскую?
Голова и ноги голы, что ж о вечности толкую.

Царь и государь! Прошу я, стань на путь щедрот со мною,
Чтоб не шел я больше рядом ни со злом, ни с мыслью злою.

Твой гарем — вот это сердце — скрой от зависти и мести.
Ангел с дьяволом ужиться никогда не смогут вместе.

Не гони меня от трона потому, что я ничтожен.
Лжи и слабости проклятой грех в меня природой вложен.

Ты прости меня, я грешен. Обласкай меня, помилуй,
Чтоб униженность и слабость наконец сменились силой.

Все, что лишь движенью служит, сдует ветер, смоят реки.
Ты необходим для жизни — жизнь дана тебе навеки.

Сохрани ты это сердце — вот и счастье и награда.
Если ж этого не будет, мне и жить тогда не надо.

Будет Низами прощенье — вот его одно желанье.
Так ли грешен он? Опасно всем небес предначертанье.

Лишь по твоему веленью я смогу быть счастлив ныне.
А придет к концу дыханье, — приведи меня к кончине.

Караван пришел в движенье. Бубенец бренчит. Пора!
Откочуй в души долину с постоялого двора.

Ведай, наш градоправитель: алчность каждому — сосед.
Но он жив, Рустем, а был им свержен див — носитель бед.

И земле с людьми уж труден стал харадж по временам.
Сочетанья звезд на небе неблагоприятны нам.

От такого сочетанья безопасность обретешь,
Если ты печать корана — нового Мехди найдешь.

Все, что не корану служит, к рукавам не приторочь,
И циновку не от веры — отверни с порога прочь.

Много меж людьми различий. Из железного литья
Мы куем не как подкову наконецник для копья.

Сущность индуса, ты знаешь, связь имеет с чернотой,
Но один из них — разбойник, и надежный страж — другой.

Свет под рубищем отыщешь, он укрыт, его не тронь,
Ведь старуха в каждом доме пеплом кутает огонь.

Что султана славословить! Он ведь немощен и слаб.
Стань рабом пред властелином, перед кем и властный — раб.

Справедливость к нищим людям не забудется нигде.
Ты умрешь — она заблещет и предстанет на суде.

В страшный день суда тирану будет вся страна врагом.
Горе тем, кто унижает, — яма их последний дом.

Из ручья не пей чужого даже розовой воды.
Не ищи на чуждом хлебе даже божии следы.

Если слезы подступили, это незачем скрывать —
Лучше жемчуг драгоценный нитью тонкою вязать.

Подними с земли завесу. Ты поймешь, что каждый час
Жизнь великими играет. Это спрятано от нас.

Ты увидишь, сколько терний в славных, в блещущих венцах,
На кудрях Ануширвана грудями увидишь прах.

Подожди идти к Каабе. Ты еще туда не зван.
Не тверди: к тебе иду я, — издали склони свой стан.

Серебро сияет блеском, только выйдя из камней.
Ценен лал, глубь гор покинув; был он неприметен в ней.

Увы, на этой лужайке, где согнут старостью я,
Какую еще отраду сорву с ветвей бытия!

У пальмы нет больше тени, ее опали плоды,
Плоды и листья той пальмы сломила буря беды.

Кривой небосвод, вращаясь, спешит мне выдолбить гроб —
И мне камфару пророчит снегами тронутый лоб.

Мой мускус в белом мешочке рождался, хоть черен он.
Теперь же мускусом черным — мешочек белый рожден.

Две нити чистых жемчужин таил мой рот молодой,
Но небо, нити порвавши, рассыпало жемчуг мой.

Мои жемчуга, как звезды, рассыпались из ларца,
Когда восток заалевший сверкнул мне звездой конца.

Мой день окончен. Прощаюсь с развалиной этой я,
Лечу, как сова, в жилые пространства небытия.

Мой стан согнулся — и клонит к земле вершину мою, —
Затем что, тяжек плодами, в саду смиренья стою.

Я надвое перегнулся, чтобы не обагрить одежду, —
Затем что сердце кроваво, и кровь упадет с вежд.

На лоб седые сугробы ложатся все тяжелей:
Страшусь, не рухнула б кровля непрочной жизни моей.

С горы, окованной снегом, вода свергается в дол,—
Вот так и я, омраченный, слезами весь изошел.

Истаял весь я. На землю, как тень, я упасть готов —
И я, упав, не оставлю, как тень, на земле следов.

Никто меня и не помнит,— затем что нет больше сил
Добраться до сердца милых и тех, кто меня любил.

Мой стан изогнулся луком — как будто сердцу грозит
Стрела последнего часа — и я укрылся за щит.

Увы! к зениту блаженства меня напрасно б влекло,
Коль в низшей точке надира сломилось мое крыло!

В саду вселенной нагими мои деревья стоят:
Плоды надежд с них сорвали камень, буря и град.

Растенье, плод свой осыпав, челом вздымается ввысь,
Но пальма моя согнулась, когда плоды сорвались.

Моя голова мгновенно, втянувшись, скрылась меж плеч —
Затем что страшен ей смерти мгновенно сверкнувший меч.

Глаза мои ослабели. Страшусь друзей помянуть:
Лицо умыл я слезами, собираясь в последний путь.

Ючусь в убежище скорби — затем что нет больше сил
Ступить на порог высокий дворца, где я прежде жил.

Моя последняя буква в последнем слове моем...

Давно уж белое с черным сливает усталый взгляд —
Пусть даже солнце с луною перед ним, как свечи, горят.

Жизнь прожил — что ж совершил я? Одни грехи за спиной.
Затем-то я и согнулся, страшась расплаты людской.

Коль сердце мое в тревоге, коль дрожь в руках у меня,—
На пире веселом века — как выпью чашу огня?

Смерть гостьей в дом мой явилась. Как гостью привечу я,
Коль слаще всех угощений ей жалкая жизнь моя?

Благая трапеза жизни для неба души горька:
Ведь ядом тронута сладость шербета и молока.

Жизнь вышла со мной проститься — на расстань этого дня.
Мой стан согнулся, в объятьях она сжимает меня.

Так весь я немощи полон, что трудно страх побороть:
Вот-вот рассыплется прахом моя отжившая плоть.

В пути своем спотыкаюсь, как перст ведущего счет.
Ты дивом считай, что помню, какой провожаю год.

Что воздух мне цветниковый! Что реки с чистой водой!
Исы я не жду дыханья и Хызра влаги живой.

Как туча, слезы точу я из глаз печали моей:
От них, как молния, скрылось виденье минувших дней.

Богатство юности щедрой я выронил на пути:
Теперь, сгибаясь напрасно, я силюсь его найти.

Подобна жизнь моя тени, и ей потребна стена,
Чтоб вновь, опору обретши, из праха встала она.

Взманив меня, как ребенка, на цвет, и запах, и звук, —
Душой лукавило небо, чтоб вырвать юность из рук.

Из царства радости светлой звучит к веселью призыв —
Меня ж усыпила седость, мне уши ватой забив.

Плетясь за хлебом насущным, таких я полон скорбей,
Что мудрый скажет, увидев: несет зерно муравей.

Чтоб жизнь мою обесценить, ударом камня невзгод
Разбил меня беспощадно чеканщик злой — небосвод.

Мои достоинства скрылись от глаз придирчиво злых:
Теперь любые пороки — святей достоинств моих.

Высоким светом познания мечты мои зажжены —
Затем и стан мой согнулся, как дымный круг у луны.

В узлах и петлях без счета запуталась жизнь моя,
И что распутать сумею, доселе не знаю я.

Чтоб сгинул ствол моей пальмы, что ветвь над веком простер,
Согнувшись, небо вонзает мне в ногу острый топор.

И образа я не знаю, и я содержимым пуст,
Ушли они без возврата из сердца, очей и уст.

Столь грешен я, что страдальцам, кипящим в грешном аду
Грехами буду я страшен, когда в то пламя сойду.

В саду мятежного духа стою согбенным ростком:
Я прежде высушен веком — в аду я вспыхну потом.

Одно лишь слово ошибки — вот все, что вещей рукой
Судьба вписала заране в житейский перечень мой.

Пускай слезой покаянья то слово сотру навек —
Что нужды! Может ли спорить с судьбой своей человек?

В бесплодной тяжбе с судьбою — судьба всеильна. а я —
Всего ничтожней, что в силах душа измыслить моя.

Я жизнь в грехах уничтожил, и если буду убит —
Судья фетвой наказания за кровь мою не отмстит.

И если выбросит искру костер страдальческий мой —
Вскипят моря небосвода от жара искры одной!

Время снять с доски игральной эту шашку времен,
Обе кости небосвода время выбросить вон!

Пусть расписка дня и ночи — белый час, черный час —
Будет признана подложной на берате для нас.

Нам дают еще отсрочку, убегая, года;
Свод вращается вокруг мира, натянув повода.

Пусть бы яростно крутилось колесо тех высот:
Чем быстрее кружится жернов, тем скорей отдохнет.

.....
Дом, построенный на прахе, рассыпается в прах.

Если в бой со львом небесным бык земли устремлен,
Как провидеть: в этой схватке уцелеет ли он?

Горе! Трусы с песьим сердцем есть на поле любом:
Лев, боюсь я, станет трусом, станет бык храбрецом.

Не взноситься хитрой птице к башне дня голубой:
Разве мало башен стало голубиной тюрьмой?

Хызром стань: когда простишься ты с Багдадом земным,
Пусть твой шаг скользнет по Тигру, перегнется над ним.

В бога веруй: если б мир весь разлился и потек,
На ногах не отсырел бы ни один волосок.

Океаном небосвода так челнок свой веди,
Чтоб смиренность — верный якорь — пребывало в груди.

Слепнет глаз коварной эфы, лишь сверкнет изумруд,
Сатаны слабеет ухо, лишь коран запоют.

Сделай шаг прямой — достигнешь кипарисной красоты:
Ведь от мускусной крупинки благовонны весы.

Головой прильни к порогу, — ведь признают за ложь
Истину, когда впервые ты ее назовешь.

Будь же праведен, и если ненароком солжешь —
Все правдивые поверят, что сказал ты не ложь.

Чтоб узреть огонь Синая — мало сердцем вздохнуть,
Чтоб стать Хызром славным — мало из ручья зачерпнуть!

Много соли океанской мы в пути изопьем
Прежде, чем на дне жемчужиц станет дождик зерном.

Все, что съел, отдай — подобно шелковичным червям —
И, слюной своей прославлен, будешь славен ты сам!

Помогай другим — и многих обретешь ты друзей.
Если ж слаб ты, — кто захочет жалкой дружбы твоей?

Пусть бороться со страстями выйдет юность твоя:
Ведь, состарившись, в дракона обратится змея.

Что ж, гадай: звезда удачи может в небе взойти.
Но темно влиянье неба на земные пути.

Обтекает сферу праха влага вязкой струей.
Над слепящей сферой света мчится вихрь круговой.

Солнца диск похож на мыло в запредельном чану,
Чтоб стирать небесным духам их одежду белизну.

Руки я омыл от мира этим мыльным куском...
.....

Низами! уйди в сторонку от петли голубой,
Прежде чем она коварно захлестнет ворот твой.

Словом клад себе добудешь, ибо слово в устах —
Философский камень, в золото превращающий прах.

Ты рожден природой — дивно ль, что привержен ты к ней?
Ведь младенец неотступно льнет к родимой своей.

Если намерен разумным быть, уз не ищи ни в чем.
Разве не ведаешь: каждый царь бьет пред творцом челом.

Коль обретаешься ты в раю, не пребывай там век.
Даже от райских отречься благ должен ты, человек.

В мире Иса все искал добра. В нем не сыскав добра,
В небо вознесся, чело земли в горе пятой поправ.

Ты, что ютишься в углу жилья, видимый там едва, —
Ткущий паук ты, достигнешь ты тонкого мастерства.

В мире ты пыль всех путей вздымай ныне, как и вчера...
.....

Тень лишь тогда, когда с ней дружна светлых лучей игра,
Сможет скитаться по всей земле с вечера до утра.

Хоть вверх ногами иди, чтоб даль вечно была нова.
Лишь как в движенье придет перо, дух наш пленят слова.

Коль ты разумен, беги сынов этих печальных дней,
Прежде чем тело твое чужим станет душе твоей.

Люди, что гули — сродни они, — что ж ты бредешь меж них?
С гулями в дружбу кто б мог вступить в этих долинах злых?

Небо — алхимик, коварный шут, нашим очам сулит...

Что б тут настало! Какой удел был бы всем людям дан.
Если б, алхимиком созданный, не исчезал обман.

Верности в мире искать к чему? Где у людей она?
Нету людского в людских сердцах, верность упряднена.

Нету народа, и мчится прочь вера, как в вихре пург.
Лишь имена их слышны. Сыщи, где он живет — Симург?

Тысячу раз тут готов почет, пасть все готовы в прах.
Если пред ними из церкви гебр иль армянин-монах.

Есть фараон тут, его льстецы будто бы сотни змей.
Посохом чудным их кто смирит? Где же тут Моисей?

Все позабыто, лишь хлеб ища, изредка лишь едва
Нищий вплетает, челом склонясь, бога в свои слова.

Кто бы послал им желтух тоски! Небо, их жги скорей,
Зерна граната от них укрыв, адом своих огней!

Шейх уловляет людей в силки — сети со всех сторон. —
Сам, наподобье охотника, кельей прикрылся он.

Те покрывают бска коней пышным узором лат,
Чьи от циновок дырявых след спины еще хранят.

В зарослях неба, где звездный сад путано тропы вьет,
Меридиана скупая ветвь лишь пустоцвет дает.

Если б свой взор он простер вперед к будущим племенам.
Нет, не женился бы он вовек, бедный чудак Адам.

В лунном сверкании алчности, словно в проказе, люд.
Плюнь и на близких, когда они этот порок несут.

К яствам скупого претягивать руку нужды — не сметь!
Хоть, голодая, взалкал бы ты сердце свое, как снеть.

Пусть же конец будет горестный этому сброду дан.
Пусть будет проклят, как с тьмы времен проклятым стал
шайтан.

Да! Уж не зерна сыновних слез праху вбирать дано:
Сеет над отчей могилой сын лишь клеветы зерно.

Вся ведь земля в нечистотах всклянь, так не дивись, что вот
Полы одежд своих поднял ввысь в ужасе небосвод.

Все в небреженье пришло вокруг — встретили б это встарь?
Даже солому к себе тянуть днесь бы не смог янтарь.

Скупость бушует. Когда бы ты задал горе вопрос,
Ждал бы напрасно, чтоб отзвук скал слово тебе принес.

Людям завидуем ныне мы, жившим до нас давно.
Страшно: нам зависть грядущим дням будет внушать дано.

Вот это люди моей земли! Ты ж, небосвод, — скупец,
К пиршеству ты пригласил бы нас, счастья б нам дал венец!

Здесь на ристалище гнета, мглы — словно разумным в мечь,
Взвившая смуты, горбатая, старица злая есть.

Тот, кто гнетет, пресекает век многих людей, — взглядишь, —
Ею обласкан, молитвенно ею приподнят ввысь.

Тем, кто пред нищим засохший хлеб в жадный зажал
кулак, —

Золота слитки сует она, прячет она в кушак.

«Эй, ты! К помойке, во двор иди, мне не являй лица!» —
Молви спешащему к трапезе всякого подлеца.

Всякий подарок от алчного в глотке застрять готов.
Дай же ты скряге затрещину, не получай пинков.

Вот потому-то удел свечи пламень — он гложет, жжет,
Что с попрошайкой сходна она, с той, что подачек ждет.

.....
.....
.....
.....

Нашей земле от подошв их жен срама не превозмочь.
Много ли в этом беды? Они — в воздухе день и ночь.

Здесь на земле — старой пажити — люди полны алчбы.
Бродит их ум; словно мельницы глоток они рабы.

Влил бы раствор послабляющий в мира желудок я.
Слил бы все соки негодные в яму небытия.

Мир полон мусора. Смертный час, кинь же на землю взор
Смерти метлою*одною лишь выкинуть этот сор.

Сад наш зарос. В запустенье он. Миру назначен срок.
Гнева пилой ты владеешь ли, иль не владеешь, рок?

Будто бы зубы излишние в пасти времен, глупцы.
О небосвод, ущемления дай же скорей щипцы!

Если бы мать человечества стала бесплодной, — вмиг
Мир наш, от сброда избавленный, чистым опять возник.

Небо, ты долго ль, по каплям лишь метя из туч судьбы,
Будешь смывать вождедения с черной доски алчбы?

Пояс из золота даришь ты — ты, небосвод, не прав! —
Тем, кто вчера препоясан был связкой засохших трав.

Всяких ослов, морды сунувших в стойло последних дней.
Свисшим Исы одеянием хочешь прикрыть скорей.

Видим: осел тут кичащийся зад свой одел в атлас,
Мудрый же спину всю голую прячет в углу от глаз.

Губишь свечу, что сияет нам ярче других свечей.
Глазу, что нужно бы выколоть, блеск придаешь лучей.

Сердце ль свой дом хочет выстроить, ввысь свои думы мча, —
Известью рока не скрепим мы даже два кирпича.

Горе! Жемчужины кинули мыслей моих ларец.
Гнетом твоим обескровленный, разум устал вконец.

Мозг мой в порочных мечтаниях, мысли уже не парят.
В ряд винопоицев вступаю я да в словоблудов ряд!

Труден путь, и черен мир вокруг, не гони коня среди тумана,
Бытие вези в страну души, хоть на миг спасая от изъяна.

Этих черных воронов гони ты из сада сердца своего,
Гамаюна счастья призови, — жди его, тоскуя неустанно.

Роза, ты родною стала мне, скинь же покрывало, не стыдись,
Мудрости шербет себе налей, смело к цели двигайся желанной.

Там, где слуги духа пир вершат, не сиди с нахмуренным лицом
Виночерпию подобен будь, в кубок лей вино струей багряной.

Ты мечтать о рае перестань, и об аде думать, друг, не смей;
На голову ада наступи, зачеркни Эдем обетованный.

Если только ты своей рукой прикоснулся к миру духа, друг, —
То престол небесный сотряси и сорви его канаты, пьяный.

Без шагов на этот путь вступи, слово то скажи без языка,
Виждь, не глядя, начерти в душе лик грядущих дней благоуханный.

Низами, такая тайна здесь, что ее не сможешь ты открыть,
Знаков этих, нет, не разъясняй, бойся этой тайны несказанной.

Значительное большинство лирических произведений Низами до нас не дошло. Сохранившиеся рукописные списки, количество которых весьма ничтожно, не восходят к оригиналу и содержат лишь небольшую часть газелей, кыт'а, касыд, рубаи Низами. Впервые более или менее научному анализу эти рукописи были подвергнуты известным иранским ученым Вахидом Дастчерди. Он установил, что наряду с действительно принадлежащими Низами стихами имеется целый ряд стихотворений других авторов, приписываемых перу поэта. В силу этого обстоятельства из сборника, опубликованного Вахидом Дастчерди, покойным проф. Е. Э. Бертельсом, крупнейшим знатоком Низами, были извлечены именно те стихотворения, принадлежность которых перу Низами не подвергалась никакому сомнению.

Предлагаемый сборник является переизданием книги Низами «Лирика», вышедшей в 1947 году под редакцией Е. Э. Бертельса. Он содержит лишь избранные газели, а также отрывки дошедших до нас касыд, кыт'а (фрагментов) и рубаи (четверостиший).

К стр. 17. *Дай органона звоны нам! Дай аргаванное вино!* — Органон — древневосточный музыкальный инструмент с мехами и клавиатурой, напоминающий орган. Аргаван — дерево с ярко-красными цветами (иудино дерево). Аргаванное вино — пурпурное вино.

К стр. 18. *Кумир или идол — метафоры для обозначения возлюбленной.*

Низами тебе на рабство препоясался. На рынке ты купи меня, гуламом ты меня нелъстивым сделай. — Препоясаться — метафорическое выражение, обозначающее приготовиться к чему-либо. Гулам — раб, слуга, телохранитель. На Востоке рабов и гуламов свободно продавали на рынке, как товар.

Рынок (базар) имеет и другое значение — красота. Поэт обыгрывает это двусмысленное слово. Он хочет сказать, что «Я стремлюсь стать твоим рабом, личным слугой если ты купишь меня золотом своей красоты».

К стр. 19. *Клянусь я мглой кос твоих, уйдешь, — и охвачен я мглой.* — Поэт в иносказательной форме намекает на то, что волосы возлюбленной черны, темны, как ночь. Когда возлюбленная уходит, поэт погружается во мрак, и только мгла кос любимой может освободить его из этого мрака. Обычный у Низами образ, своей парадоксальностью придающий стиху большую выразительность.

Днем гороскопы числю... — Числить гороскоп — по движению и соединению звезд определить подходящее, благоприятное время для совершения какого-либо дела.

К стр. 20. *Я, увидевши твой лик, власяницу разорвал.* — Власяница — дерюга, длиннополая рубашка с короткими рукавами, одеяние дервишей, суфиев. Суфии на радениях, погружаясь в мистический экстаз, от восторга разрывали свою одежду. Поэт хочет сказать, что при виде возлюбленной он пришел в такой восторг, что разорвал свою одежду.

К стр. 21. *Спустилась ночь. Явись, Луна, в мой дом приди на миг!* — Стих построен на игре: возлюбленная должна прийти в дом влюбленного и все осветить своей красотой, подобно тому как луна восходит и освещает мир, когда наступает ночь.

Стих содержит и скрытый намек. Обращаясь к любимой, он призывает ее к себе, уговаривая, что наступило время, когда не нужно бояться чужих взоров. Этот образ часто повторяется в газелях Низами.

Ты жизни плещущий родник, исток существованья. — Поэт, сравнивает любимую с источником жизни, родником, находящимся в подземном царстве мрака — «зулмате». По мусульманской легенде, человек, получивший доступ к этому роднику и выпивший из него воды, приобретает бессмертие и вечную молодость. К этому источнику стремились многие, в том числе Искандер Руми — Александр Македонский. Но до него добрался лишь полупророк Хызр, учивший Моисея мудрости.

Зачем ты пляшешь на ветру, изменчивое пламя? Будь благовоньем на пиру и услади на миг! — Сравнивая лицо возлюбленной с пламенем, поэт, обращаясь к ней, хочет сказать: «Почему ты словно огонь пляшешь на ветру, покаясь прихоти своих капризных желаний, страсти, изменяешь всем влюблен-

ным в тебя, от одного идешь к другому. Что бы было, если бы ты услаждала и наше общество своим благоуханием, как услаждает алоэ», распространяющее приятный запах, когда жгут его в курильницах.

Но смоль волос вокруг чела — тугры крылатый росчерк. Я раб, султаном ты пришла,— так награди на миг! — Тугра — монограмма, шифр из букв царского имени и титула. Она заменяла собой личную подпись государя на грамоте и т. д.

К стр. 23. *Но лишь только Ахсатана обняла рукою ты.* — Ахсатан (умер в конце XII века) — один из современных Низами царей ширваншахского государства в Азербайджане, сын Минучихра.

К стр. 24. *За тобою влекущийся, я смертельного края достиг.* — Поэт хочет сказать, что страдания, причиняемые любовью к ней, привели его к краю мира небытия, то есть к гибели.

На пути твоих прихотей сердце стало харчевней скорбей. Не один караван ее, прах пути поднимая, достиг. — Харчевня (в оригинале «рабат») — караван-сарай, постоялый двор.

К стр. 26. *Сердца людей забирать в полон умеет зульф благовонный твой.* — Зульф — локоны, кудри, которые поэт в иносказательной форме сравнивает с мрачной темницей: кудрявые и черные локоны возлюбленной похищают сердца.

Ты, как Иса, чудеса творишь; рубин врачует червонный твой. — По представлению мусульман Иса — Иисус оживлял мертвых своим чудодейственным дыханием, дуновением. Рубин — то есть уста возлюбленной.

К стр. 28. *Попоной твоего коня я голову прикрою, воительница! Вновь ронять мне жалкий меч придется.* — В древние времена на Востоке вельмож, знатных всадников сопровождали их рабы, неся на плече попону их коня.

Поэт хочет сказать, что он был вельможей, храбрым всадником, а теперь он из любви к ней готов отказаться от «меча», от сана своего и стать ее рабом.

В дар на пиру прими меня — ужели жемчуг слезный мне в золотом ларце моем всю жизнь беречь придется. — На Востоке к ногам знатных особ сыпали драгоценные камни. Смысл двустишия таков: ты разреши мне припасть к твоим

ногам и осыпать их жемчугами своих кровавых слез, ибо иначе всю жизнь придется держать их в моем благородном окровавленном сердце — золотом ларце. По представлению восточных народов, источником слез является сердце.

С дороги уברי скорей обычай ранить сердце — то есть откажись, не делай своим ремеслом этот обычай.

К стр. 30. *Кызыл Арслан — царь, один из наиболее видных представителей династии Ильдигизидов, которая правила в Азербайджане в XII веке. Кызыл Арслан (1186—1191) покровительствовал Низами.*

К стр. 31. *Кумиром сердце зажжено, чье имя вечное Зухра.* — Зухра — Венера. Согласно преданию, ангелы жаловались богу на испорченность людей, которых не могли исправить даже неоднократно посылаемые пророки. По приказу бога ангелы избрали из своей среды Харута и Марута и поручили им творить суд над людьми. Эти ангелы спустились на землю и долгое время добросовестно выполняли свои обязанности. Однажды к ним явилась женщина необычайной красоты по имени Зухра, прося у них защиты от мужа. Харут и Марут влюбились в Зухру и хотели соблазнить ее, но она мгновенно исчезла. Бог наказал обоих ангелов, низвергнув их в вавилонский колодезь, где они должны пребывать до дня Страшного суда. Зухра за свою чистоту и целомудрие вознесена на небо в виде планеты Венеры, покровительницы музыки и красоты.

К стр. 34. *Расступился черный мускус, и она всплыла вчера — то есть ее благоухающие волосы были рассеяны от быстрой ходьбы, и ее лицо, словно луна, в ночной тьме всплыло из-под ее рассеянных кудрей.*

К стр. 35. *Аллаха славь, носи зуннар, увидят все с тобой меня.* — Зуннар — кушак, пояс, который носили крестьяне. Поэт хочет сказать: «Будь ты мусульманкой, будь ты вероотступницей, христианкой, я буду с тобой и приму твою веру».

К стр. 37. *Фагфур в мой Индостан пришел — властитель всемогущий мой.* — Фагфур этимологически происходит от индийского слова «Багапутра», что зна-

чит сын бога. Так называли в мусульманских странах китайских императоров. Сравнивая свою возлюбленную с Фагфуром, поэт хочет подчеркнуть белизну ее лица, а сравнивая свой дом с Индостаном, он намекает на тьму, мрак, царящий в доме.

Блеснуло, как свеча, лицо, и крылья мотылек спалил.— По представлению восточных народов, мотылек кружится вокруг свечи потому, что он влюблен в огонь, в пламя.

К стр. 38. *Дважды шесть! И в нардах счастье нам сулится до утра!*— Нарды — широко распространенная у восточных народов игра, трик-трак. Принцип игры заключается в следующем. Бросаются игральные кости, и в зависимости от выпавших чисел, изображенных на костях, передвигаются шашки,— у каждой стороны по пятнадцати шашек. Кто быстрее передвинет свои и выведет их из игры, тот выигрывает. Дважды шесть — это наивысшее число, изображенное на костях.

К Низами стихам склоняйся! Что кольцо в твоём ушке до кольца дверного! Кто-то пусть стучится до утра! — Дверное кольцо — железное кольцо на дверях и воротах, которым стучали в маленький железный диск, прикрепленный к двери под кольцом. Смысл бейта таков: прижмись ты ко мне и внемли моим стихам, не бойся, и пусть не отвлекают твоё внимание даже стуки в дверь, ибо никого не впустим к себе до утра.

К стр. 39. *Дивен аромат кумира. Лишь ко мне повеет он,*— как Иса животворящий, душу мне согреет он — то есть благоухающий аромат возлюбленной, словно животворящее дыхание Исы (Иисуса), воскрешавшее людей.

Взор мой — словно взор Якуба, обоняющего ткань.— Якуб — один из пророков до Мухаммеда, библейский Иаков.

Что Юсуфа облекала: под слезой светлеет он.— Юсуф — библейский Иосиф Прекрасный. По корану (гл. XII), Иосиф был любимцем отца Иакова. Другие сыновья Иакова из зависти похитили Иосифа и бросили его в колодезь. Случайные путники вытащили его, увезли в Египет и продали там царскому казначею, известному вельможе Китфиру (Пентефрию). После долгих злоключений в голодный год Иосиф стал управляющим царской житницей

Однажды, когда его братья прибыли из Ханаанской земли, чтобы получить хлеб, Иосиф, узнав их, незаметно положил свою рубашку в их мешок. Когда братья вернулись, отец почувствовал запах Иосифа, и глаза его, ослепшие от слез, сразу же выздоровели. Низами намекает на этот эпизод.

Зульф кумира благовоном наполняет вешний сад, насыщать рейхана вздохи сладостью умеет он.— Рейхан — гиацинт.

К стр. 40. *Лих покажи свой. Я созерцать блеск гулистана жажду.*— Гулистан — сад, цветник роз, розариум.

В кельях суфийских я не слышал неллицемерной речи.— Суфии — последователи мистическо-пантеистического религиозного течения. Суфии, заменив рассудочную веру в бога верой сердцем, отрицали все прочие религиозные системы.

К стр. 47. *Дух мой кыблу изменил, в плен христианкою взят.*— Кыбла — сторона, в которую обращаются мусульмане во время молитвы. Поэт хочет сказать, что он из-за любви к христианке изменил своей вере, исламу.

Стал, как Давида напев, сладостен благовест мне, краше мне кажется скит всех Сулеймана палат.— Давид (Дауд) — царь Израиля и Иудеи (X век до н. э.), отец Соломона. По библии и корану — один из первых пророков. По легенде, он обладал дивным голосом, который поражал даже животных и птиц. Сулейман — библейский Соломон, легендарный пророк и могущественный царь, властвовавший над всеми живыми существами и духами. Под «палатами» поэт подразумевает золотые дворцы Соломона.

К стр. 48. *Я только пламя, ты Халил — что ж я не гасну пред тобой?* — Халил, точнее Халил-Уллах — Друг аллаха — эпитет пророка Ибрахима (Авраама), которого легендарный тиран Кемрод бросил на огонь, но пламя погасло и Авраам остался невредимым.

К стр. 51. *Что ты знаешь о Хабеше? Вижу: из Хатана ты.*— Хабеш — Абиссиния. Поэт имеет в виду черноту кожи жителей Абиссинии. Хатан — местность в Туркестане, жители которой отличались белизной лица и красотой кожи.

К стр. 52. *Меньше ль малый атом, рот ли твой карминный, сердце ли недужное мое? — Поэт хочет сказать, что от страданий и тоски его сердце сжалось, стало меньше атома.*

К стр. 53. *Тюрки рабами индийскими стали рядом с тобой — то есть тюрки, отличающиеся белизной лица, рядом с тобой кажутся чернокожими индусами.*

К стр. 54. *А когда свою поклажу развязал твой черный зульф, цвет фиалки на замочек свой цветочный склад закрыл — то есть, когда ты убрала свои кудри, из-под них выглянуло твое прекрасное лицо, перед которым цвет фиалки от смущения опустил голову, увял.*

Лилия — в восточной поэзии символ красноречия: стоязычная лилия. Поэт хочет сказать, что прекрасное лицо возлюбленной пристыдило лилию.

К стр. 55. *Ночь темна, но путь мой светел, лишь боюсь дурного глаза. Ты родник. Во мраке этом чьей водою станешь? — Поэт сравнивает жизнь, здешний мир с легендарным царством тьмы и мрака — зулмат, а возлюбленную — с источником живой воды, который таится в зулмате.*

К стр. 57. *И столько над собой рыдала туча, что аргаван, восстав от сна, смеется — то есть Низами столько пролил слез, словно туча, влюбленная в зелень, оплакивая свою кручину — несчастье разлуки, что возлюбленная из со- страдания улыбнулась ему, подобно тому как «смеется», распуская свои ярко-красные цветы, иудино дерево от обильных дождей.*

К стр. 59. *Я не Джемшид, я не богат... — Джемшид — мифический иранский царь, обладавший несметными богатствами.*

Слава... сахарным лалам твоим... — Лал — рубин в восточной поэзии — эпигет красивых губ. Сахарные губы — губы, источающие сахар, красноречивые уста.

К стр. 64. *Вот — Низами печатью жжет перстень уст. Вот — сродни этим стал Сулейману я. — Во второй строке имеется в виду легендарный чудотвор-*

ный перстень Сулеймана — Соломона, на котором было начертано имя аллаха. Благодаря силе этого перстня Сулейман обрел власть над всеми живыми существами и духами и невиданное могущество. Поцелуй возлюбленной сравнивает с этим чудотворным перстнем.

К стр. 69. *Служу тебе, как муравей... Ты, чтоб ограбить муравья, не заносись, как Сулейман. — Намек на легендарный эпизод из жизни Сулеймана — Соломона. Несмотря на свое могущество, беспредельную власть и величие, Сулейман был исключительно великодушным. Приветливость его доходила до того, что он вступил в беседу с муравьем и принял от него бедро кузнечика, поднесенное в знак покорности. Но как явствует из второй строки, это свойство Сулеймана поэт рассматривает как заносчивость и признак насилия.*

И заклинаний не твори, ручью стремиться вспять — зачем? — По легенде, Сулейман благодаря своему чудотворному перстню мог изменять течение рек. С рекою поэт сравнивает поток своих слез, а с перстнем Сулеймана — уста возлюбленной.

К стр. 70. *Встреча с тобой торжество для меня, да нужной мне твари для жертвы нет. — Торжество встречи поэт сравнивает с мусульманским религиозным праздником жертвоприношения.*

К стр. 72. *Ты — Хума — накорми воробьев... — Хума — феникс, легендарная птица, приносящая счастье людям. По легенде, на кого бы ни пала тень Хумы, тот делался царем. Хума отличается воздержанностью в пище.*

Вор крадет, а к айарам беда — не всегда ли — приходит? — Айар — стражник, охраняющий границы и другие наиболее опасные места.

К стр. 74. *От дурбаша ее очей в груди ты сотню ран узришь. — Дурбаш — секира с раздвоенным концом в виде двух изогнутых дугою кривых, которою телохранители расчищали дорогу царю. С дурбашем поэт сравнивает брови возлюбленной, из-под которых она метала убийственные взгляды.*

К стр. 82. *...ты от Каабы уйди и неверным стань. — Кааба — храм в Мекке с черным камнем (метеоритом), главное святилище мусульман.*

К стр. 93. *Тщетно воздыхали даже Кей-Кобад и Кей-Хосров.*— Кей-Кобад и Кей-Хосров — мифические могущественные цари древнего Ирана.

К стр. 105. *Поднялось мое величье над гурхановской парчою.*— Гур-хан — прозвище иранского царя из династии Сасанидов Бахрама V (421—438). По легенде, он был искусным охотником на гуров — шегренов, онагров, за что и его прозвали Бахрам-гур. Гурхановская парча — драгоценная ткань с изображениями онагров на ней.

К стр. 106. *Иемена светило...*— Имеется в виду звезда Сухейл-Канопус, сияние которой мусульманские астрономы могли наблюдать только с территории Иемена.

К стр. 108. *Но он жив, Рустем, а был им свержен див...*— Легендарный богатырь, главный герой «Шах-наме» Фирдоуси. Он неоднократно сражался с дивами-демонами и побеждал их.

И земле с людьми уж труден стал харадж...— Харадж — земельная подать, размеры которой разоряли мелких землевладельцев.

Если ты печать корана — нового Мехди найдешь.— Мехди — двенадцатый, и последний («печать корана») имам (у шиитов), таинственно скрывшийся из мира. Он должен явиться перед наступлением дней Страшного суда и очистить мир от скверны, водворить справедливость и т. д.

К стр. 109. *На кудрях Ануширвана грудями увидишь прах.*— Ануширван — один из могущественных иранских царей (531—579) из династии Сасанидов.

К стр. 111. *Кривой небосвод, вращаясь, спешит мне выдолбить гроб — и мне камфару пророчит снегами тронутый лоб.*— По представлению древних, небосвод имеет форму купола. На Востоке в саван покойников клали, среди других веществ, камфару.

Мой мускус в белом мешочке рождался, хоть черен он. Теперь же мускусом черным — мешочек белый рожден.— На Востоке мускус (благовонное

вещество черного цвета) добывают из желез (пупка) кабарги, которая имеет белый цвет. Поэт хочет сказать: его черные, как мускус, волосы поседел, стали белыми, как мускусный мешочек.

К стр. 114. *Исы я не жду дыханья и Хызра влаги живой.*— Иса — Иисус, который своим чудотворным дыханием воскрешал мертвых. Хызр — мудрец и пророк, добравшийся до источника жизни. Выпив живую воду, он обрел бессмертие. Он покровительствует путникам и помогает погибающим от жажды в безводных пустынях.

К стр. 115. *Судья фетвой наказания за кровь мою не отмстит.*— Фетва — приговор, решение религиозного судьи.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. *Рустам Алиев* 5

ГАЗЕЛИ

«Готова молодость твоя откочевать...» <i>Перевел К. Липскеров</i>	17
«О кумир! Мне знак призывный...» <i>Перевел К. Липскеров</i>	18
«Мне ночь не в ночь...» <i>Перевел К. Липскеров</i>	19
«Во влюбленных, как во львов...» <i>Перевел К. Липскеров</i>	20
«Спустилась ночь. Явись, Луна...» <i>Перевел П. Антокольский</i>	21
«Краса! Краса! Грабитель душ!..» <i>Перевел Ив. Бруни</i>	22
«Я всю ночь не сплю, мечтаю...» <i>Перевел Ив. Бруни</i>	23
«За тобою влекущийся...» <i>Перевел К. Липскеров</i>	24
«Гнет страсти мне в сердце...» <i>Перевел Ив. Бруни</i>	25
«Сердца людей забирать в полон...» <i>Перевел О. Румер</i>	26
«Я полюбил тебя...» <i>Перевел Ив. Бруни</i>	27
«В ночи я знаю...» <i>Перевел А. Тарковский</i>	28
«Тоскую о красе твоей...» <i>Перевел С. Шервинский</i>	29
«Знай: чудо красоты твоей...» <i>Перевел С. Шервинский</i>	30
«Мир покаянья моего...» <i>Перевел С. Шервинский</i>	31
«Спешу, о, спешу...» <i>Перевел Ив. Бруни</i>	32
«Скорбь моя благословенна...» <i>Перевел Ив. Бруни</i>	33
«Расступился черный мускус...» <i>Перевел А. Тарковский</i>	34
«Ты видишь: я твой давний друг...» <i>Перевел А. Тарковский</i>	35
«О, день мой счастливый...» <i>Перевел Ив. Бруни</i>	36

«Эй, бабочка, гаси свечу!..» <i>Перевел В. Рождественский</i>	37
«Спать не стоит!..» <i>Перевел К. Липскеров</i>	38
«Дивен аромат кумира...» <i>Перевел О. Румер</i>	39
«Лик покажи свой...» <i>Перевел О. Румер</i>	40
«Не было ей равных; скрылась...» <i>Перевел Ив. Бруни</i>	42
«Счастье пьяное мое...» <i>Перевел Ив. Бруни</i>	43
«Влюбленный слеп...» <i>Перевел Н. Асанов</i>	44
«Я хочу тебе открыть...» <i>Перевел Н. Павлович</i>	45
«Глаз мой не видит окрестный мир...» <i>Перевел Н. Павлович</i>	46
«Дух мой кыбу изменил...» <i>Перевел О. Румер</i>	47
«Другим знавала ты меня...» <i>Перевел В. Рождественский</i>	48
«Если нас не осуждаешь...» <i>Перевел О. Румер</i>	49
«Весты! Весть о милой пришла!..» <i>Перевел К. Липскеров</i>	50
«Что ты знаешь о Хабеше?..» <i>Перевел К. Липскеров</i>	51
«Что смятенней...» <i>Перевел А. Тарковский</i>	52
«Тюрки рабами индийскими стали...» <i>Перевел А. Тарковский</i>	53
«Розу пологом колючим...» <i>Перевел А. Тарковский</i>	54
«О Луна, скажи, чьим гостем...» <i>Перевел Ив. Бруни</i>	55
«Месяц неполный прошел...» <i>Перевел К. Липскеров</i>	56
«Так роза на щеках вина смеется...» <i>Перевел Н. Асанов</i>	57
«О кипарис с плавной поступью мой...» <i>Перевел К. Липскеров</i>	58
«О мой кумир...» <i>Перевел Ив. Бруни</i>	59
«Ты рукой мне сжала сердце...» <i>Перевел Ив. Бруни</i>	60
«Как безмерно я терзаюсь...» <i>Перевел О. Румер</i>	61
«Клянусь, о душа!..» <i>Перевел Ив. Бруни</i>	62
«Взору мне груз твой!..» <i>Перевел М. Тарловский</i>	63
«Если сперва — жертвой твоей...» <i>Перевел М. Тарловский</i>	64
«В жертву тебе...» <i>Перевел М. Тарловский</i>	65
«Юность всю тебе я отдал...» <i>Перевел Ив. Бруни</i>	66
«Кыбла всем в широкой пустыне...» <i>Перевел С. Абрамов</i>	67
«В душе всегда базар...» <i>Перевел О. Анненкова</i>	68

«Красавица, повержен я...» Перевела О. Анненкова	69
«Может быть, эту газель прочитай...» Перевел Ив. Бруни	70
«Я, скорбя по тебе...» Перевел С. Абрамов	71
«Друг, утешься...» Перевел С. Абрамов	72
«О спеси думай ты...» Перевел С. Абрамов	73
«Взгляни на щеки милой ты...» Перевела О. Анненкова	74
«Жить в заботе...» Перевел Ив. Бруни	75
«Любовь пришла, чтоб день мой угасить...» Перевела Т. Спендиарова	76
«Рая красавицы ныне вступают в дружбу с тобой...» Перевел А. Тарковский	77
«Где путь в кумирню?...» Перевел А. Жаров	78

КЫТ'А

«Ночью к другу одиноко...» Перевел Н. Павлович	81
«Разъяснение любви...» Перевел Н. Асанов	82
«Если мы поравнялись с тобой...» Перевел Н. Асанов	83
«Спросила ты, легко ль тебе...» Перевел А. Жаров	84
«Как мотылек, свече добычей стань...» Перевел А. Жаров	85
«Ты знакома глазу моему...» Перевела Т. Спендиарова	86
«Ты пощади себя, сердце храни свое...» Перевел Н. Павлович	87
«Где доблестный найдется муж...» Перевел К. Липскеров	88

РУБАИ

«Ежели твой дух тоскою...» Перевел О. Румер	91
«Гурия моя земная!..» Перевел О. Румер	92
«Ах, очей твоих прекрасных...» Перевел О. Румер	93
«От очей моих влюбленных...» Перевел О. Румер	94
«Так как тщетно за кумиром...» Перевел О. Румер	95
«По тебе тоску не взвесят...» Перевел О. Румер	96
«От меня ушла ты!..» Перевел О. Румер	97

«Если буду плакать...» Перевел О. Румер	98
«Как в курильницах алоэ...» Перевел О. Румер	99
«Дни свои влачить без друга...» Перевел О. Румер	100
«Лик твой — словно месяц ясный...» Перевел О. Румер	101
«Нет напитка лучше сока пьяных гроздий...» Перевел О. Румер	102

КАСЫДЫ

«Царь царей в слаганье слов я...» Перевел Е. Долматовский	105
«Караван пришел в движенье...» Перевел Е. Долматовский	108
«Увы, на этой лужайке...» Перевел А. Кочетков	111
«Время снять с доски игровой...» Перевел А. Кочетков	116
«Если намерен разумным быть...» Перевел К. Липскеров	119
«Труден путь, и черен мир вокруг...» Перевел А. Старостин	125
Примечания Рустама Алиева	126

Художник
Н. Бабаев

Художественный редактор
Э. Лазымов

Технический редактор
С. Багирова

Низами Кончэви

ЛИРИКА
(рус. диалект)

Баку — 1981

ИБ № 1163.

Сдано в фотонабор 10. 11. 1981 г. Подписано к печати
11. 11. 1981 г. Формат бумаги 70×90¹⁶. Академическая
гарнитура. Офсетная печать. Физ. п. л. 8,75. Условн.
п. л. 10,24. Учетн.-изд. л. 10. Заказ № 1182. Тираж 10 000.

(11-й завод 501—10000). Цена: на мелованной бумаге 3 руб. 30 коп.;
на офсетной бумаге 2 руб. 70 коп.

Государственный комитет Азербайджанской ССР по
делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Издательство «Язычы», 370088, Баку проспект Кирова, 18.
Типография им. 26-ти бакийских комиссаров, 370005,
Баку, ул. Али Байрамова, № 3.

